

The book cover features a central illustration of a woman with long, flowing, wavy brown hair, seen from behind. She is wearing a light blue, off-the-shoulder, floor-length gown with a dark sash at the waist. The background is a soft, ethereal green gradient. At the top, there is a faint, light green silhouette of a modern city skyline. At the bottom, there is a darker green, stylized landscape with jagged peaks and scattered white and yellow stars, suggesting a night sky or a magical realm.

ПЕРЕЛОМ ВО ВРЕМЕНИ

ИЗ ПРОФАЙЛЕРА В СЛУЖАНКИ

Джули МакЭлвен

Из профайлера в служанки. Детективы Джули МакЭлвен

Джули МакЭлвен

Перелом во времени

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

МакЭлвен Д.

Перелом во времени / Д. МакЭлвен — «Эксмо», 2017 — (Из профайлера в служанки. Детективы Джули МакЭлвен)

ISBN 978-5-04-169116-5

Бывший агент ФБР Кендра Донован застряла — попытки вернуться в XXI век не увенчались успехом. Она вынуждена смириться с положением, которое определяет для нее Новое время, и попытаться влиться в сообщество местных кисейных барышень. И это далеко не самая большая проблема...

Ее возлюбленного Алека подозревают в убийстве некой леди Довер — представительницы высшего общества. Она была найдена зарезанной, лицо исполосовано самым зверским способом. Вывод один — в Лондоне появился маньяк. Когда Алек оказывается в западне, подстроенной представителями закона, Кендра старается сделать все ради его спасения: установить слежку за каждым гостем сверкающих бальных залов и разгадать искусную ложь, ставшую традицией для аристократов. Захватывающее продолжение "Убийства во времени"! Джули МакЭлвен показывает, как современная женщина, спецгент ФБР из XXI века, справляется со всеми трудностями сыска, лишенная привычных инструментов. Этот роман, сочетающий в себе элементы детектива, фэнтези и романтики, словно заманивает читателя в кроличью нору — как только начинаешь читать, уже не можешь остановиться.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169116-5

© МакЭлвен Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	7
1	9
2	15
3	21
4	26
5	33
6	40
7	47
8	55
9	59
10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Джули МакЭлвен

Перелом во времени

© Смирнова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*С большой любовью к Джону и Тэмми,
которые всегда приходят мне на помощь.*

Пролог

Женщина неслась по темному переулку, пытаясь побороть озноб, звук ее шагов разносился глухим эхом по брусчатке. Ее лицо скривилось в гримасе – она предпочла бы, чтобы о ее приближении ничего не возвещало. Но это было неизбежно. «Туда и обратно», – напоминала она себе. Руками она держала воротник практичного шерстяного пальто, стискивая его у шеи в бесплодной попытке защититься от ночного воздуха. Из-за грязно-коричневого тумана, который прибыл с Темзы, стояла неприятная сырость.

Дай бог, хозяйка не заметит ее недолгое отсутствие. Скоро она вернется в квартиру сестры невинной, устроится на топчане с грелкой у ног, которая обеспечит ей тепло на остаток ночи.

Приблизившись ко входу для прислуги с задней стороны особняка на Гросвенор-сквер, она вытащила тяжелый железный ключ из своей сумочки. От соседних конюшен по всему переулку разносился сап, храп и шарканье лошадей. Где-то вдалеке одинокий голос ночного стража прошептал: «Одиннадцать часов... и все спокойно».

Она прищурилась – в дьявольской темноте без факела или фонаря путь было не разглядеть, вставила ключ в замок. Ей пришлось сдержать удивленный возглас, когда дверь сразу же со скрипом отворилась на пару сантиметров. Она готова была поклясться, что дверь закрывали перед уходом. Она торжественно пообещала себе, что хозяйка никогда не узнает и об этих никомушных мерах безопасности *в том числе*.

Сердце бешено колотилось, когда она в спешке проскользнула в холл и закрыла за собой дверь. На всякий случай придвинула еще и широкий засов. Только тогда беспокойство немного рассеялось. Несмотря на то что в холле было так же темно, как и в переулке, она больше не переживала. Здесь ей был знаком каждый сантиметр, не нужно было даже зажигать сальные свечи, которые хранились в комодике из красного дерева рядом со стеной.

Она быстро направилась к коридору, утопающему в тени. Только когда дошла до вестибюля, хорошо освещенного большим количеством свечей, мерцающих на двухъярусной хрустальной люстре, она остановилась. Свет, развеивающий мрак, должен был успокаивать ее, но она чувствовала себя незащищенной.

«Если бы моя хозяйка видела меня...»

Ее сердце, спокойное с тех пор, как она вошла в особняк, снова начало больно биться в груди.

«Туда и обратно».

Из осторожности она замедлила шаги, спускаясь по лестнице на нижний этаж. Там остановилась и задержала дыхание, напрягшись, чтобы расслышать любой, даже самый глухой звук. *Тишина*. Они, скорее всего, уже в спальне, решила она. Ей всего лишь нужно было все сделать побыстрее. Выдохнув, она подняла свои юбки и поспешила вверх по лестнице, больше не опасаясь создать шум – толстый тканый ковер на ступеньках заглушит ее шаги.

Она снова остановилась в нерешительности, когда достигла верхней ступеньки. Как лесное животное, чувствующее опасность, она бросила взгляд в сторону гостиной. Дверь была открыта, позволяя желтому свету разрывать завесу теней в холле.

Она развернулась в противоположном направлении, в сторону узкого лестничного пролета, который должен привести ее к крылу для слуг на третьем этаже.

«Туда и обратно».

Она не смогла бы объяснить, почему так и не закончила свое дело, почему свет из гостиной, казалось, манил ее. Долю секунды она колебалась, бросая взгляд то в сторону лестницы для прислуги, то в сторону гостиной. Если хозяйка поймает ее за этим, ее сразу же уволят без

рекомендаций, это ясно. Вопреки здравому смыслу, она подхватила свои юбки и прокралась по коридору к дверному проему.

Мысленно ругая себя за глупость, она задержала дыхание и продвинулась вперед. Сердце тяжело стучало. *«Одним глазком...»*

В следующую секунду воздух со свистом покинул ее легкие. Она отшатнулась, каблуком наступила на юбку. Она падала – а из груди рвался крик.

1

Сэм Келли не считал себя особенно суеверным. Однако, когда он сидел в «Поросенке и Парусе», излюбленной таверне сыщиков с Боу-стрит, – из-за близости к мировому суду, а не качества виски, – его затылок покалывало от призрачного ощущения нависшей опасности.

Лондон всегда был жестоким городом, но с тех пор как Англия победила в войне с Бони¹, наконец сослав маленького тирана на Святую Елену, напряженность постепенно возрастала. Сэм предпочел бы увидеть Наполеона повешенным или посмотрел бы на его голову, катящуюся с гильотины, – это произошло со многими французскими аристократами в период их кровавой революции двадцатилетней давности. Не было ничего справедливого в том, что этого подонка отправили провести остаток дней на тропическом острове, пока честные британцы тряслись от холода последних сентябрьских дней.

Англия должна была ликовать. Но возвращалось слишком много солдат, а нехватка работы довела всю страну до предела терпения. Недавние хлебные законы² не смогли спасти ситуацию, лишь способствуя взлету цен, делая продукты недоступными для простого трудящегося народа.

Сэм мрачно уставился в стакан с горячим виски, зажатый в его руках, наслаждаясь теплом, которое проникало в кончики пальцев, и не обращая внимания на смех и разговоры столпившихся в прокуренной комнате людей. Времена меняются, подумал он. Каждый день, казалось, появлялись новые машины, способные заменить работу десятерых людей. Он не поддерживал луддитов³ – эту горстку мерзавцев, если угодно его мнению, которые разносили в щепки новые ткацкие станки и машины, сжигали заводы и вызывали всеобщий хаос. Но он разделял их чувства, разочарование и страх от того, что эти машины отбирали возможность зарабатывать на кусок хлеба.

Он читал о том, что некоторые ремесленники, особенно невезучие, были вынуждены отправиться в работный дом. Другими словами, в долговую тюрьму. Как ему было известно, Лондон представлял собой пороховую бочку, которая ждала лишь малую искру, чтобы взорваться. К чему это приведет? Как люди выживут под натиском машин?

– Хей, начальник! Вы Сэм Келли?

Сэм поднял взгляд на маленького оборванца, который возник рядом с его столом. Он подумал, что паренек ему кого-то напоминает, но не был уверен. Город кишел грязнолицыми оборванцами.

– А кто спрашивает?

– Уильям Дрейк послал меня за вами. Хочет вас видеть.

Сэм поднял брови.

– Уилл Дрейк?

– Ну да. Ночной страж.

– Я знаю, кто он. Что ему нужно?

– Вы же охотник на воров Сэм Келли?

– Я сыщик с Боу-стрит Сэм Келли, – холодно поправил его Сэм, ему никогда не нравилось это старомодное прозвище. Уничжительное, оно источало дух коррупции с тех времен, когда парочка бессовестных сыщиков была поймана на сотрудничестве с преступным миром

¹ Boney (англ.) – прозвище Наполеона Бонапарта, придуманное британцами (здесь и далее прим. пер.).

² «Хлебные законы» – законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 годами (прим. ред.).

³ Противников механизации и автоматизации (прим. пер.).

– помогали вора́м грабить аристократов, а потом возвращали украденное и получали за это награду.

Парень придвинулся поближе, почти что украдкой, хотя никто на них не обращал особенного внимания.

– Мистер Дрейк просил отвести вас к нему, если вы не против, сэ́р, – произнес он. – Видите ли... тут убийство. Леди. Просто ужасное.

– Вы видели тело?

– Не. Меня отослали. Но я слышал, как внутри рыдала девушка. Она болтала о чем-то страшном.

– Хорошо.

Сэм резко опрокинул свой напиток, он не хотел оставлять виски, даже если это виски из «Поросенка и Паруса». Он поднялся, не обращая внимания на острую боль в коленях. Натянув пальто, он схватил свою дубинку сыщика с золотым наконечником со стола, покрытого царпинами. И указал ей в сторону двери.

– Пошли.

* * *

Леди убили на Гросвенор-сквер, что, в общем-то, было не таким уж и плохим местом, чтобы склеить лапы, подумал Сэм. Это был один из самых модных районов Лондона с рядами элегантных трех-, четырех-, а иногда и пятиэтажных домов; сами здания и подступы к ним были отделаны известняком и песчаником.

Не то чтобы в этот момент он мог по достоинству оценить архитектуру или огромный парк по другую сторону от этой широкой улицы. Была уже почти полночь, из-за тьмы и густого, как овсяная каша, тумана было практически невозможно видеть что-либо дальше десяти шагов перед собой. В то время как в остальной части города прямо-таки помешались на газовом освещении, жители Гросвенор-сквер придерживались традиции использовать масляные лампы, которые, согласно закону, должны были вывешиваться ночью перед каждым домом, иначе владельцам грозил серьезный штраф.

Хотя Сэм и сопротивлялся внутренне некоторым изменениям, происходящим сейчас по всей стране, он не мог не признать, что газовое освещение на этой улице было бы весьма кстати. По крайней мере, он смог бы хорошенько осмотреть окрестности, думал он, покидая вместе с пареньком экипаж, который он нанял, чтобы отвезти их по адресу. Он извлек монетку и кинул ее извозчику. Беспросветный мрак за пределами слабого желтого свечения от масляных ламп навеивал навязчивое чувство, что за тобой наблюдают, – распространенное явление в Лондоне. Сэм в уме прикидывал, сколько преступников могло скрываться в этих тенях.

Он поспешил к одному из таунхаусов, перед которым висела масляная лампа и одновременно из большинства окон разливался свет. Окна в соседних домах были либо закрыты ставнями, либо полностью темными, их жители уже спали или все еще где-то проводили вечер. Казалось, будто элегантные соседние здания не одобряли неподобающие события в доме номер 8.

Эта причудливая мысль пришла в голову Сэма, когда он приблизился к двум мужчинам, курящим перед приоткрытой дверью. Он узнал в них членов ночной стражи Генри Грили и Джека Нортон.

– Добрый вечер, – кивнул он в их сторону.

– Ничего доброго в этом вечере, – проворчал Джек и отодвинулся, чтобы Сэм прошел в таунхаус. – Дьявол точно вышел на прогулку и натворил беды.

Сэм чуть было не фыркнул в ответ.

– Эй, а ты куда собрался?

Сэм посмотрел через плечо и увидел, что Генри схватил его молодого спутника за шкирку, препятствуя его проникновению в таунхаус.

Парень принялся извиваться, он гневно уставился на ночного стража.

– Я же привез сыщика? Хочу теперь плату, обещанную мистером Дрейком!

– Сколько мистер Дрейк тебе пообещал? – спросил Джек, шаря в своих карманах.

Лукавый блеск возник в глазах ребенка.

– Гинею.

Джек хмыкнул.

– Ты меня совсем тупоголовым считаешь? Либо скажешь правду, либо уйдешь ни с чем!

– Соверен.

– А я король Англии тогда. Еще одна попытка!

Ухмыльнувшись наглости парня, Сэм оставил двух стражей разбираться с озорником. Он шагал по длинному узкому холлу в сторону лестницы, его взгляд обводил черно-белую мраморную плитку и высокий потолок с декоративным молдингом из белого гипса. По центру висела люстра, дюжина ее свечей почти расплавилась и превратилась в короткие огрызки, а пламя от них прерывисто мерцало.

Наверху другой страж был размещен перед открытой дверью, его внимание было приковано к тому, что происходило в комнате. Когда Сэм подошел, стражник уставился на него. Не говоря ни слова, Сэм провел своей дубинкой перед носом молодого человека и прошел в комнату.

Сначала он почувствовал запах: вонь сырого мяса, которая говорила о недавней смерти.

Внутри было полдюжины мужчин. Сэм сразу же заметил Уильяма Дрейка. Не только потому, что он знал его уже почти двадцать лет. Но еще и потому, что он благодаря своему росту в 190 сантиметров возвышался над всеми остальными присутствовавшими.

– Дрейк, – поприветствовал его Сэм.

Ночной страж огляделся кругом.

– А, Келли. Не был уверен, что паренек найдет тебя. Сказал ему поискать в «Буром медведе» или «Поросенке и Парусе». Чертовски жестокое дело.

– Ну, таковы почти все убийства, – заметил Сэм, его внимание было уже приковано к жертве.

Она сидела на диване в греческом стиле, его плавные линии и извивающиеся ножки пользовались популярностью среди аристократов. Бархатная обивка была нежно-голубого цвета, как яйца дрозда, почти что сливающегося с цветом легкого шелкового платья с органзой. Грудь, обнаженная низким квадратным вырезом, выглядела так, будто была вся в татуировках: темные болезненные раны испещрили бледную кожу. Лиф был также разорван ножом, кровь жертвы запятнала изящный материал.

Аккуратно изогнутые белые руки, обнаженные благодаря маленьким коротким рукавам, бессильно свисали по обе стороны тела, маленькие ручки покоились на диванных подушках ладонями вверх, будто жертва молила убийцу о пощаде. Нежная плоть была усеяна порезами и здесь. Она либо пыталась бороться, либо поднимала руки в тщетной попытке защититься.

Вероятно, боролась, решил Келли, скользнув взглядом по золотистым светлым волосам, которые спадали на ее плечи в диком беспорядке, шпильки еле держались на светлых прядях. Ее голова была откинута назад на диванные подушки, длинная шея изогнулась, как у лебедя. Невидящие глаза уставились в потолок. Они были открыты и остекленели после смерти.

От тошноты лицо Сэма напряглось, пока он изучал лицо жертвы. Как будто этому монстру было недостаточно заколоть девушку до смерти, он нанес ей ранения и здесь. На правой стороне лица было два шрама, один – короткий и слабый, не больше полутора сантиметров. В общем-то, царапина. Другой был немного глубже и длиннее, простираясь от правого уголка глаза до рта.

Левая часть лица, однако, выглядела намного более ужасающей. Этот изверг порезал... хотя нет, это подразумевает некую искусность. Этот изверг раскромсал кожу, разделив ее рваным образом так, что она впала в районе челюсти, выставляя напоказ кровавое мясо, кость и даже пару зубов.

В памяти Сэма сразу же возникла Кендра Донован, девушка, с которой он месяц назад расследовал серию страшных убийств в замке Эддридж. Эта американка была для него загадкой, как с точки зрения своего поведения, так и из-за ее своеобразного опыта в криминалистике. Что бы она сейчас сказала?

– Я послал за врачом, но эту леди, по всей видимости, закололи, – сказал Уильям, прервав мысли Сэма. – Кажется, раз двенадцать по меньшей мере. Я очень сильно надеюсь, что она была уже мертва, когда он сделал это с ее лицом.

– Что за врач? – спросил Сэм.

– Доктор Манро. Он лучший.

– Ну да. Это так. – Сэм отвел свой взгляд от ужасающего лица женщины. Его глаза сразу же привлек огромный портрет над камином.

– Она была бриллиантом чистой воды, – сказал Уильям, проследив за его взглядом.

Девушка и правда была красавицей. Художник изобразил ее затейливо: сидящей на качелях в окружении зеленой листвы. Ее овальное лицо было нежно-бежевого оттенка, его обрамляли волны золотистых волос. Глаза невероятного фиалкового оттенка смотрели на них в упор. Рот, похожий на бутон розы, скривился в маленькой провокационной ухмылке. Соблазнительница, подумал Сэм. Ева из Эдемского сада. Он не знал, была ли это задумка автора изобразить ее именно так или же он сам выдумал эту параллель.

Он заставил себя оторваться от портрета и оглядеть комнату. Декор был слишком женственным, на его вкус, много позолоты, изысканных молдингов и мягких пастельных оттенков. Тканый ковер был голубого, фиолетового и золотистого цветов. Остальная часть мебели соответствовала в своем греческом стиле дивану. В углу стоял небольшой письменный стол, пристенный столик с декантерами и стаканами и фортепьяно с лаковым покрытием перед венецианскими окнами.

– Что это? – спросил он, подойдя к одному из стульев. На нем лежали три вещи: веер с ручкой из слоновой кости золотистого и светло-голубого цвета, его спицы были сломаны и погнуты; изысканный гребень для волос, сверкающий рубинами и лунными камнями; и тяжелый бокал с фигурной ножкой.

– Мы нашли это под диваном, – сказал Уильям, подойдя сзади. – Скорее всего, это упало во время нападения и оказалось под ногами.

Сэм взял бокал в руки и обнюхал его. Виски. Нахмурившись, он еще раз обвел комнату взглядом. Как и в холле, восковые свечи на люстре и канделябрах здесь почти сгорели. Бревно в резном мраморном камине превратилось в горстку отчаянно тлеющих угольков. Но он мог себе представить, как все выглядело часами ранее: комната купалась в сиянии камина и свечей, а леди сидела лицом к лицу с убийцей.

Специально для него она оделась в платье с глубоким вырезом, сделала прическу этим гребнем. Веер был инструментом соблазнения, и Сэм мог нарисовать в своем воображении, как женщина с картины мастерски его использует. Держала ли она этот стакан, наполненный виски? Сомнительно. Это не напиток для леди. Приготовила ли она тогда его для убийцы?

– Она, должно быть, сама пригласила этого подонка. Как звали бедняжку? – спросил Сэм.

– Леди Довер, леди Корделия Довер.

– Черт побери! – Сэм широко раскрыл глаза.

– Вы знали ее?

Сэм не сразу ответил.

– Нет, – произнес он наконец. – Я никогда не имел с ней дела. Но она была в гостях на вечеринке герцога Эдриджского месяц назад.

– Слышал, вы проводили расследование для его светлости. – Уильям бросил на Сэма неоднозначный взгляд. – Слышал и про рассказы о монстре, душащем шлюх.

– В этом есть правда, – заметил Сэм. Конечно, в этой истории было много и других фактов. Но никакими из них он не мог поделиться с ночным стражем.

– Так вы его поймали?

– Да, – коротко ответил Сэм. Кендра Донован вообще-то поймала и убила этого подонка, но Сэм обещал герцогу хранить в тайне правду об ее участии в расследовании, а также и личность настоящего убийцы. Он был мертв. Возмездие свершилось.

Нахмурившись, он взглянул на тело леди Довер и мысленно поклялся получить возмездие и для нее.

– Кто обнаружил тело и во сколько? – спросил он.

– Экономка миссис Пирсон. Она вернулась час назад. Когда увидела тело, выбежала из дома с криками о помощи.

– Полагаю, вам повезло сегодня дежурить.

– Джек Нортон патрулировал эту территорию, – сказал Уильям, – но он позвал меня.

– Где остальные слуги?

– Леди Довер отпустила всех до завтрашнего утра. Миссис Пирсон вернулась только потому, что забыла свое лекарство. Думала, что сможет тихонько прокрасться, так как задняя дверь была открыта. Но нашла свою хозяйку в таком состоянии.

– Задняя дверь была открыта? Взломщики так не работают. – Взгляд Сэма снова метнулся в сторону изуродованного лица.

– Да, – согласился Уильям.

Сэм думал, что знал ответ на свой следующий вопрос, но все равно задал его:

– Почему леди Довер отослала всех своих слуг?

– Она ожидала кого-то и хотела, чтобы их встреча прошла в атмосфере уединенности.

Сэм кивнул. Этого он и ожидал. Комната была наполнена предвкушением романтической встречи.

– Как его имя? Слуги должны же знать.

– Ну да.

Сэм почувствовал определенную нервозность в голосе своего собеседника.

– Ну и? Кто он?

– Вам лучше поговорить с миссис Пирсон.

Сэм нахмурился. «Что за чертовщина?» – подумал он.

Уильям жестом указал Сэму следовать за ним. Они не проронили ни слова, пока спустились два пролета по лестнице в кухню. Ночной сторож стоял внутри и с облегчением вздохнул, когда они вошли. Сэм подозревал, что это как-то связано с женщиной, сидевшей за круглым деревянным столом и неустанно рыдающей. На ней все еще было то самое шерстяное пальто и простая шапочка, которая частично скрывала лицо. Оставшаяся часть была не видна под носовым платком, в который она плакала.

– Я принес миссис Пирсон чашку чая, как вы и просили, начальник, но она к ней не притронулась, – сообщил им молодой человек.

Уильям кивнул, продвинулся вперед и положил руку на плечо женщины. Она немного вздрогнула и взглянула на него своими водянисто-голубыми глазами. Сэм решил, что ей было около тридцати пяти лет. Она, должно быть, даже была привлекательна, если бы ее лицо не было красным и опухшим от приступа плача.

Уильям мягко произнес:

– Миссис Пирсон... это сыщик с Боу-стрит, он задаст вам несколько вопросов.

Глаза, утопающие в слезах, посмотрели в направлении Сэма.

– О, это было ужасно, сэр! Я никогда не видела ничего... ничего подобного! Ее лицо... – Женщина содрогнулась. – Леди Довер была такой красивой. Зачем он сделал *это*?

– Ваша хозяйка встречалась сегодня вечером с мужчиной. – Сэм решил перейти сразу к делу. – Вы знаете его имя?

– О да. – Миссис Пирсон высморкалась. – Он убил ее. Он убил ее и... и жестоко разрезал ее лицо, это он. Он убийца, но его никогда не повесят. Он из высшего общества. К ним другое отношение, нежели к нам. – Она с укором посмотрела на Сэма, как будто бы это он виновен в классовой системе Англии. – Вам же *известно*.

Сэм незаметно взглянул на Уильяма, теперь он понимал его странное поведение. Этот монстр, ответственный за мерзкое преступление, был джентльменом. Он снова вспомнил расследование, в котором участвовал месяц назад в замке Элдридж. Те преступления тоже совершил джентльмен. Что, все аристократы Англии посходили с ума?

– Джентльмен или нет, его повесят, – сурово пообещал Сэм, встретившись взглядом с экономкой. – Но для начала вам нужно произнести его имя. Кого сегодня вечером ожидала ваша хозяйка, миссис Пирсон? Кто тот монстр, который сделал с ней такое?

Она с сомнением посмотрела на него, но что бы она ни увидела в глазах Сэма, это заставило ее решительно подать вперед подбородок и произнести шепотом:

– Он маркиз, племянник герцога. Маркиз Сатклифф. Это он убийца.

2

– Полагаю, у меня есть разрешение твоей дилеммы, дорогая.

Кендра Донован сидела в кабинете герцога Эдриджского. Солнечный свет в это раннее утро косыми лучами проникал в комнату через окна, причиняя боль ее глазам, в которых будто был песок от недосыпа. Ей казалось, что недостаток сна повлиял и на его слух.

– Вы поняли, как я могу попасть домой? – спросила она недоверчиво.

Эдридж нахмурился. Герцогу было около пятидесяти пяти лет, у него было вытянутое лицо и довольно большой нос. Его бледные серо-голубые глаза смотрели на мир таким добрым взглядом, какой Кендре редко доводилось видеть за всю свою жизнь. Однако она знала, что доброту нельзя путать со слабостью. По-своему Альберт Рутерфорд, седьмой герцог Эдриджский, был одним из самых сильных мужчин, которых Кендра встречала.

Он признался:

– Нет...

Кендра не была удивлена. Герцог был умнейшим человеком, но она всерьез сомневалась, что он нашел решение ее проблемы. В конце концов, вся загвоздка была в том, что она застряла здесь, в замке Эдридж, в начале девятнадцатого века.

Что не было бы, черт возьми, никакой проблемой, родись я в этом дурацком девятнадцатом веке. Или, точнее, если бы в свои двадцать шесть лет она не застряла в первой половине девятнадцатого века – а сейчас стоял 1815 год. Но так как она родилась парой веков спустя... что ж, сложно себе представить более неразрешимую дилемму.

Кендра перевела свой взгляд на древний гобелен, украшавший стену за столом герцога. Тяжелый материал скрывал секретную панель, за которой находилась лестница, ведущая в комнату, которую Эдридж использовал как лабораторию. За долгую и кровавую историю замка этот проход использовался жителями крепости для бегства от религиозного преследования и армии врагов. Месяц назад она воспользовалась этой лестницей, пытаясь спастись от какого-то наемника в двадцать первом веке. Она не знала в точности, что произошло потом, кроме того, что физически это был для нее настоящий кошмар. Позже она смогла предположить, что прошла через что-то вроде воронки или закрытой временной петли, которая перенесла Кендру из ее собственной эпохи в эту.

Звучит бредово?

Конечно, так она изначально и думала: что сошла с ума. Даже сейчас ей приходится бороться с дрожью от мысли, что она пошатнулась рассудком.

Ей было не просто признать правду, но в конце концов она смирилась со своим странным положением. Смирилась, но не приспособилась. Она чувствовала, что здесь ей не место. Единственная ее надежда на возвращение в свою временную прямую состояла в том, чтобы проникнуть в проход во время следующего полнолуния – спустя ровно месяц, как она вошла в ту дверь и оказалась в начале девятнадцатого века. Она хотела верить в то, что существует связь между полнолунием и его силой притяжения на так называемую кротовую нору, связь, схожая с влиянием, которое луна оказывает на приливы и отливы. Она верила, что водоворот снова увлечет ее.

Это было долгое ожидание. Но она должна была принять то, что судьба, вселенная или бог послали ей.

Итак, прошлой ночью она попыталась.

Она прошла спиральную лестницу до середины и села ждать. Она ждала, что неестественная тьма обнимет ее, как мокрая шерсть, что температура резко упадет и ее одолеет тошнотворное головокружение. Она мысленно готовилась к этому, и еще к боли, мучительной,

невообразимой, как будто бы ее растворяют в бочке с кислотой, которая потом превращается в бесконечную трубу и выкидывает ее в другом месте.

Она ждала. И ждала. И...

Ничего.

Никакого водоворота. Никакой кротовой норы. Никаких паранормальных явлений. Она сидела на холодных каменных ступеньках, пока ее задница совсем не замерзла и не онемела. Она сидела там несколько часов, пока герцог наконец не пришел и не затащил ее силой в кабинет. Он осторожно усадил ее на диван и протиснул в ее руки стакан бренди. Его серо-голубые глаза излучали сочувствие. Прямо как сейчас.

Ей хотелось кричать.

– Ваше объяснение пространственно-временного водоворота завораживает, но я не понимаю, как его создать, – продолжил герцог.

– Черт возьми. Мне нужно *домой*. – Отчаяние сковало ее желудок и заставило ее вскочить на ноги. Она скрестила руки на груди и принялась нервно ходить по комнате.

Элдридж смотрел на нее в растерянности.

– Моя дорогая, кажется, у вас здесь нет выбора. У вас нет другого выхода, кроме как признать, что это и есть ваш дом теперь – по крайней мере, на ближайшее будущее.

– Как долго? – поддала Кендра. – Как долго мне еще придется здесь оставаться?

За этим последовал сразу же вопрос, который любой человек, возможно, задал себе хотя бы один раз в приступе пессимизма:

– Почему я?

Месяц назад ей казалось, что она знает ответ на этот вопрос, когда нашли ту молодую девушку в близлежащем озере, зверски убитую серийным убийцей. В двадцать первом веке она была самым молодым профайлером ФБР, так что это судьба, или что там еще, привела ее сюда, чтобы пресечь преступления. Когда убийца в итоге погиб от ее рук, она полагала, что выполнила свою миссию.

«Я должна была отправиться домой».

Кендра встретила с сочувственным взглядом герцога. Она знала, что он все понимал с самого начала. В конце концов, она рассказала ему о своей необычной ситуации, и хотя герцог считал себя ученым человеком, Кендра не была абсолютно уверена, что он сможет поверить в подобное. Он мог с легкостью признать ее сумасшедшей и запереть в какой-нибудь психбольнице – мысль, от которой по телу пробегала дрожь. Она рисковала, решив рассказать ему правду, но, учитывая ее статус в замке в качестве то ли служанки, то ли дворянки, у нее попросту не было выбора.

Ей повезло, если можно вообще назвать везунчиком человека, застрявшего в иной эпохе. Герцог Элдриджский был человеком Просвещения, о которых пишут в учебниках истории, вроде да Винчи или Вольтера, философ и ученый в одном лице. Обладая прытким умом, он с радостью принял неизвестное и провел долгие часы в теоретических рассуждениях о путешествии во времени, выведывая при этом ответы на научные, политические и моральные вопросы, которые, как он надеялся, будут разрешены в двадцать первом веке.

Что можно сказать, чего нельзя говорить? Путешествие во времени существовало лишь в теории в научном сообществе двадцать первого века, но было полно внушающих ужас предостережений относительно непреднамеренных последствий изменения будущего. Ей приходилось подходить с невероятной осторожностью к каждому вопросу во время их бесед.

– О какой дилемме тогда вы говорите, если не о моей? – спросила Кендра, возвращая их снова к заявлению герцога.

Элдридж взял со стола трубку и принялся изучать ее, как новый вид растения, который он обнаружил в своих лесах.

– Я размышлял над вашим положением в качестве несопровожаемой дамы, живущей под моей крышей, мисс Донован.

Ясно. Если и было что-то, что она узнала об Англии периода Регентства, так это все эти *правила*. Много-много правил. Большинство из них, как ей казалось, смехотворные. И касались, конечно, женщин.

– Под вашей крышей живет много дам без сопровождения, – сухо заметила она.

По правде говоря, замок Элдридж был огромного размера. Основная его часть была построена еще во времена Вильгельма Завоевателя, а когда предки герцога Элдриджского стали более состоятельными и влиятельными, они пристроили дополнительные крылья к центральной башне, а затем крылья к тем крыльям. А так как промышленная революция на севере Англии еще только начиналась, для поддержания замка требовалось невероятное число мужчин и женщин, которые не дали бы ему рассыпаться и превратиться в кучу булыжника.

– Моя дорогая, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду не прислугу, – ответил герцог. – Вы не служанка, мисс Донован. И не родственница. – Его взгляд скользнул на картину, изображающую женщину и ребенка, которая висела на видном месте над камином.

Кендра проследовала за его взглядом. Красавица с темными волосами и темными глазами была покойной женой Элдриджа, а маленькая девочка, которую она держала в руках, – его покойной дочерью. Обе они трагически погибли в катастрофе на воде двадцатью годами ранее. Герцогу удалось извлечь тело жены, но свою маленькую девочку он так и не нашел.

Его глаза были печальны, когда он наконец перевел свой взгляд снова на Кендру.

– Я бы не хотел, чтобы ваша репутация неоправданно пострадала, мисс Донован.

– В замке сотни комнат. Мы бы могли жить здесь год и ни разу не пересечься.

– Не на это смотрят. – Он слабо улыбнулся ей, прекрасно понимая, что Кендра Донован прибыла из эпохи, где общественные нравы намного более либеральные. Женщины в Великобритании не только получили право голоса, но и могли стать премьер-министрами страны, этот факт его особенно потряс во время их разговоров. – Вы сейчас не в своем будущем, дорогая, вы в моем настоящем. Вы должны полностью соответствовать обычаям и ожиданиям этой эпохи, для своего же блага.

Кендру уже считали в замке довольно эксцентричной особой из-за, как многим казалось, вопиющего поведения. Даже ее внешний вид вызывал вопросы, когда она впервые появилась тут со своими черными как вороново крыло волосами и короткой стрижкой, придающей ее голове форму пудинга и делающей ее похожей на средневекового пажа. Однако что касается ее образа, мнение герцога имело минимальное значение, и кто-то – возможно, его крестница леди Ребекка – уговорил ее отрастить волосы и закалывать их привычным для леди этого времени образом.

Все к лучшему, думал он. Одно дело, когда тебя считают оригинальным, а другое – когда на тебя смотрят как на чудачку и подвергают полному ostracismу.

Он слегка постучал указательным пальцем по своей трубке.

– Однако, как я уже говорил, мне кажется, я нашел решение.

– Отлично. Вы собираетесь переписать древние общественные правила?

Он улыбнулся, в его серо-голубых глазах появился огонек.

– Я бы это сделал, если бы мог, мисс Донован. Но вместо того чтобы заняться этим опасным делом, я совершу нечто более простое – сделаю вас своей воспитанницей.

Кендра в замешательстве уставилась на него.

– Не понимаю. Вы станете моим законным опекуном?

– Вы будете под моей защитой, да.

– Я слишком стара для опекуна.

– Это немного необычно, но я серьезно об этом подумал. Мы выставим это таким образом, что вы, вообще-то, – дочь моего старого друга, который иммигрировал в Америку до

вашего рождения. И были предприняты определенные меры с тем, чтобы я стал вашим законным опекуном, если что-то случится с вашими родителями. Когда они погибли, а вы оказались одна на этом берегу, я выполнил свой долг и взял вас под свою опеку. – Он улыбнулся ей, ему явно нравилась история, которую он сам сочинил. – По доверенности вы будете числиться моей дочерью.

Как подобает легенде, это было находчиво. Но все же...

Она покачала головой.

– Не сработает. Все здесь знают, что это неправда.

– Прислуга получит от меня руководство к действиям.

– Дело не только в прислуге. Все, кто посещал вечеринку, знают, что я работала служанкой, до того как леди Ребекка наняла меня в качестве своей компаньонки.

– Дорогая, я герцог Элдриджский. Никто из тех, кто посещал вечеринку, не осмелится усомниться в моих словах.

Она подняла брови.

– У вас что, правда есть такая власть?

Кендра знала, что герцог находился в верхних эшелонах этого мира титулов и привилегий, мало кто хотел бы получить такого врага. Но все же ей было сложно поверить в то, что он мог просто переписать историю, выставив другую ее версию.

Но опять же, в ее эпоху так тоже постоянно поступают, подумала она. Это называется связи с общественностью. *Подтасовка.*

Герцог улыбался.

– Скажем так, я могу усложнить жизнь любому, кто осмелится оспорить мое требование. Не беспокойтесь, моя дорогая. Это просто формальность. Я не хочу, чтобы о вас сплетничали, пока вы живете под моей крышей.

Кендра знала, что все равно было уже слишком поздно. Слуги сплетничали о ней с того самого момента, как она здесь оказалась.

Но тут она подумала о чем-то – точнее, о ком-то – другом.

– Не слуг вам придется убеждать. Леди Этвуд будет совсем не по душе ваша затея.

– Чепуха! Моей сестре она не только будет по душе, она ее *одобрит*, – сказал он уверенно. – Если есть что-то, что Кейро делает лучше остальных, так это соблюдение приличий.

* * *

У графини были те же серо-голубые глаза и светлые волосы, как и у ее брата. Теперь, однако, когда им обоим было за пятьдесят, волосы приобрели серебряный блеск. И, в случае герцога, сильно поредели на макушке.

– Это сумасшествие, Элдридж.

– Кейро, прояви благоразумие...

– *Благоразумие?* Как, скажи на милость, твою идею с опекунством Кендры Донован можно называть благоразумной? Хватило того, что леди Ребекка наняла ее своей компаньонкой! Какого черта леди Ребекка не забрала тогда эту особу с собой, когда уехала домой?

Кендра сжала губы, чтобы сдержать выпад в свою собственную защиту. Леди Этвуд раздраженно шагала кругами по ковру в кабинете, она не хотела и слушать о решении герцога. Одно то, что она произнесла слово «черт», показывало степень ее страданий – в эту эпоху это было вульгарное ругательство, которое никогда бы не сорвалось с губ леди и не произносилось в присутствии леди.

– Она тебя околдовала, Элдридж, как такое вообще могло прийти тебе в голову... да ты просто спятил! – Леди Этвуд продолжила в гневе дальше: – Подумай о своем титуле, нашей семейной родословной!

– Моя дорогая...

Графиня развернулась и прожгла Кендру взглядом.

– Мисс Донован, пришло время говорить начистоту. Скажите на милость, как вы внушили эту возмутительную мысль моему брату?

Герцог вздохнул.

– Это моя идея, Кейро.

– Говорю же, она опутала тебя каким-то заклинанием.

– Не говори глупости. Не существует таких вещей, как заклинания или что-то в этом духе.

Присутствие мисс Донован в замке обязательно вызовет сплетни. Эта мера должна остановить любые злобные рассказы, пока не поздно.

– Того же можно достигнуть, просто прогнав ее. Отправь ее в одно из твоих владений. Или снова найми ее служанкой.

– Мне нужна помощь мисс Донован в лаборатории, и я не хочу, чтобы при этом подорвалась ее репутация. Все, довольно дискуссий. – Редкая стальная нотка обнаружилась в голосе герцога, напомнив Кендре снова о силе, которую он старательно скрывал. – Я принял решение.

Леди Этвуд бросила еще один испепеляющий взгляд на Кендру. Затем она тяжело вздохнула.

– Ты всегда был эксцентричен, Берти.

– А ты, как всегда, снисходительна.

Графиня пропустила мимо ушей этот сарказм.

– Если ты настаиваешь на том, чтобы сделать эту... эту *американку* членом нашей семьи, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь.

Это заставило Кендру нарушить молчание.

– Что вы имеете в виду?

– Что я *имею в виду*, мисс Донован, так это то, что я больше не могу игнорировать ваше шокирующее незнание светских манер. Я отдам должное своей семье, придав вам городской блеск. Буду очищать вас, пока не засверкаете. Вы умеете вообще танцевать? Не помню, чтобы вы выходили танцевать на приеме.

Кендра подумала о замысловатых движениях, требующихся от танцоров в эту эпоху, об элегантных конфигурациях, поклонах и реверансах.

– Нет, но...

– Тогда вас нужно научить. Я найму вам танцмейстера.

– О боже...

– И положим вашему богохульству конец прямо сейчас. Не думайте, что я не заметила, как вы выражаетесь, – ваше *откровенное* отсутствие благолепия!

– Я не Элиза Дулитл, – гневно заметила Кендра, отчаянно посмотрев на герцога. Но он на нее не смотрел, он снова с ненормальным интересом изучал свою трубку.

Паника заставила ее сердце бешено биться. Она отказывалась, полностью отказывалась, чтобы из нее лепили, формировали, выдавливали или выбивали кого-то, кем она быть не хотела. Боже, разве она не проходила все то же самое со своими родителями? Доктор Карл Донован и доктор Элеанор Янке по большей части зачали ее только для того, чтобы совершенствовать собственную философию позитивной евгеники. Первые четырнадцать лет ее жизни представляли собой тщательно продуманную систему обучения, образования и тестирования. У нее была отличная память, не совсем эйдетическая, но близкая к ней, которая позволяла ей показывать хорошие результаты во время тестов, но ей немного не хватало до уровня гениальности, к которому стремились ее родители. Она сумела поступить в колледж в четырнадцать, но во время одного из редких приступов смелости она сказала родителям, что хочет больше независимости и возможности преследовать свои собственные интересы, а не идти по заготовленной ими узкой дорожке.

Она не ожидала, что в ответ они отрекутся от нее и исчезнут из ее жизни.

Воспоминание того, как просто они ее бросили, до сих пор заставляло сжиматься ее желудок. Это было хорошее напоминание, что полагаться она могла только на себя.

– Кто такая, скажите на милость, Элиза Дулитл? – Леди Этвуд посмотрела на нее с подозрением. – Какая-то американка?

Кендра в отчаянии ущипнула себя за переносицу. Она никак не могла объяснить, что Элиза Дулитл – это персонаж пьесы, которая будет написана почти что через сто лет.

– Я не хочу здесь находиться, – пробормотала она, больше себе, чем кому бы то ни было еще.

– Берти, эта особа хочет вернуться в Америку, – сказала графиня. – Забронируй ей проезд на одном из твоих кораблей, и забудем про это сумасшествие.

– Кейро...

Элдридж не договорил, он испытал облегчение, когда дверь открылась и дворецкий Хардинг приблизился к нему с достоинством, держа в руке серебряный поднос, на котором был один лишь конверт.

– Простите, ваша светлость, но это письмо было доставлено в срочном порядке, – сказал он.

– Спасибо, Хардинг. – Элдридж взял конверт кремового цвета. Задумчиво нахмурившись, он сломал красную печать, когда слуга кратко поклонился и покинул кабинет так же тихо, как вошел.

– Боже праведный. – Элдридж немного выпрямился, пробегаясь глазами по письму снова и снова.

– Что такое, Берти? – спросила его сестра.

Он поднял на них взгляд, в котором читался ужас.

– Нам нужно срочно ехать в Лондон.

– Что? Почему? Что случилось? – спросила Кендра, сделав шаг в его сторону.

– Прошлой ночью убили леди Довер.

Графиня сжала руками горло.

– Боже мой. Как это?

– Не сказано.

Его сестра нахмурила свои тонкие брови, растерянно уставившись на него.

– Это, конечно, ужасно... но как это связано с тобой, Берти? Ты ведь едва ее знал.

– Я не знал, да. – Он остановился, его взгляд встретился со взглядом Кендры. – Но Алек знал... и его обвинили в убийстве.

3

В замке Элдридж постоянно что-то происходило, но новость об их отъезде в Лондон поставила всех прямо-таки на уши. Леди Этвуд занялась подготовкой прислуги, которая должна была их сопровождать, размещением в чемоданах одежды и чистого белья, а также всего самого необходимого в дорожных сумках. Не желая ждать, пока это будет выполнено, герцог вызвал карету для себя и Кендры, чтобы они могли выехать в Лондон сразу же. Его сестра с прислугой должны были последовать за ними.

Эта новость не пришлась по душе графине, она напомнила брату, что путешествовать одному в карете с незамужней особой женского пола противоречит всем приличиям.

– Тогда очень удачно, что мисс Донован теперь моя воспитанница? – ответил ей герцог.

– Об этом еще не было официально объявлено, Берти...

– Боже мой, вряд ли же я буду приставать к молодой девушке в карете по пути в Лондон, – сказал он с яростью, измеряя шагами кабинет. Нехарактерный для герцога гнев обнажал степень его обеспокоенности судьбой Алека – Александра Моргана, маркиза Сатклиффа и, что, возможно, важнее, его племянника и наследника.

Гнев герцога, в сущности, привел к спору между братом и сестрой. Спустя полчаса Кендра уже держалась за тонкий кожаный ремень рядом с дверью, пока ее тело бросало из стороны в сторону, как по движению метронома, пока карета отстукивала барабанную дробь по сельской дороге. При скорости шесть миль в час путь до Лондона занимает примерно четыре часа, но нужно было учитывать время на отдых и водопой лошадей или на то, чтобы нанять других четырех для оставшегося пути до города. Месяцем ранее тот же путь занял у нее на арендованном «Фольксвагене Гольф» менее тридцати минут с учетом заторов. В этом веке все было чертовски *медленно*.

– Проявите терпение, мисс Донован.

Кендра удивилась, ей казалось, она не говорила вслух. Затем она поняла, что все это время нервно барабанила пальцами по коленке. Она заставила себя прекратить это выдающее ее движение, сложив руку в кулак.

– Извините.

– Не извиняйтесь. Я тоже беспокоюсь. – Он откинулся на своем мягком сиденье и с интересом посмотрел на нее. – Скажите, а как люди путешествуют в ваше время?

– Скажем так, мы давно оставили позади этап лошадей и двуколок.

Его глаза засветились.

– Говорят о строительстве устройства, которое использует пар, совсем как новые корабли.

– Звучит многообещающе.

Он посмотрел на нее с небольшим раздражением, раздосадованный, как всегда, тем, что, как ей было известно, он считал ее чрезмерно предусмотрительной натурой.

– Мисс Донован, поездка долгая. Вы, без сомнения, смогли бы мне рассказать, как бы вы проделали тот же путь в будущем?

Кендра опустила взгляд, раздумывая над его вопросом. В конце концов, она произнесла:

– Ну... думаю, я могу вам сказать...

Он с интересом наклонился к ней:

– Да?

Она подняла глаза.

– Мы используем машину, которая называется дезинтегратор-интегратор. По сути, она разбивает наши атомы так, что мы можем телепортироваться из одного места в другое.

Его глаза округлились.

– Вы в мгновение ока можете переместиться в любую точку? Как необычно!

– Да, но нужно обязательно проследить, чтобы в вашей комнате не было мух. Понимаете ли, были случаи, когда атомы смешивались, некоторые превращались в человека-муху.

– О Боже! Что вы... – Серо-голубые глаза резко сузились. – Вы издеваетесь надо мной, мисс Донован?

Кендра не выдержала и засмеялась.

– Извините, да. Но... боже мой, видели бы вы свое лицо!

– Хмм. Человек-муха, ну да.

– Был такой хороший фильм.

– Фильм... а, ну да, движущиеся картинки. – Рассказать герцогу о том, как люди развлекаются в двадцать первом веке, Кендре показалось относительно безобидным.

– Давайте, мисс Донован, – продолжил он, раскрыв руки в умоляющем жесте. – Я понимаю ваш страх изменить течение истории, но какой вред может быть от обсуждения транспортной системы?

Она посмотрела на него с иронией. Он был слишком умен, чтобы не понимать, что прогресс и благосостояние нации напрямую связаны с транспортной системой. Любители истории постоянно повторяют, что американский Запад был завоеван благодаря оружию, но развитие, экономическое, социальное и политическое, он получил благодаря железной дороге. Та нация, которая будет способна перевозить товары быстрее и эффективнее, всегда будет иметь преимущество над странами, где в ходу будут ослы и повозки.

– Концепцию передвижения на каком-то транспорте вряд ли можно назвать новой, – продолжил он. – Когда я был мальчишкой, французский изобретатель Никола Жозеф Кюньо разработал машину с паровым двигателем для перевозки пассажиров. А всего пару лет назад Ричард Тревитик построил своего «Пыхтящего дьявола», который мог перевозить шесть человек!

– Хм. Учитывая, что мы сейчас едем в карете, запряженной лошадьми, смею предположить, что эксперимент не удался.

– К сожалению. Машина сломалась спустя несколько дней, угодив в овраг. А потом и полностью сгорела. Там что-то было связано с испарением воды, которое произошло, пока за машиной не следили, или с каким-то еще пустяком. Несмотря на это фиаско, я все еще полагаю, что мы на пути открытия новых способов передвижения, чего-то вроде паровозов, которые сейчас заменяют корабли. Я прав?

Кендра не могла устоять перед его молящим взглядом.

– Правы. Человечество многое достигнет в транспорте.

– Будем ли мы летать?

Кендра улыбнулась. Наверное, любое поколение лелеяло мечты о полетах.

– На луну и не только.

– Боже. – Эдридж был поражен. – Вы летаете на луну? Ее колонизировали?

– Нет. И полеты на луну происходят не так уж и часто. Гораздо чаще космонавты летают на космическую станцию... – Осознав, насколько легко с ее губ слетает информация, Кендра сжала их и покачала головой.

– Космическая станция? Боже, что бы я только не отдал, чтобы побывать в вашем будущем, мисс Донован. Скажите, что человечество узнало о планетах? Существуют ли где-то еще мыслящие создания во Вселенной? Контактывали ли мы с ними? Могу ли я попросить вас рассказать мне об этом еще, моя дорогая?

Кендре было сложно решиться. Восторг герцога заставлял ее смотреть на свою эпоху как на искусно высеченную скульптуру, что-то, что должно вызывать благоговение, восхищение и желание. Она же до этого воспринимала многие вещи как само собой разумеющееся.

Она понимала, что герцог будет вне себя от восторга, когда услышит про интернет, особенно про скорость, с которой перемещается информация. Он вел переписку с единомышлен-

никами из сферы науки и философии по всей Европе, обменивался с ними идеями и обсуждал теории. Она видела, как он окунал перо в чернила и писал длинные послания для отправки им. Могли пройти недели, а то и месяцы, прежде чем он получит ответное письмо. Как *медленно*, подумала она снова. Если бы он мог взять телефон, войти в скайп или отправить имейл, ему это показалось бы чем-то дивным и волшебным. Даже ему, человеку науки.

– Мисс Донован? – настаивал он, одаривая ее вкрадчивой улыбкой. – Что плохого может случиться, если вы мне доверитесь?

Боже праведный. Откуда ей знать?

– Может ли взмах крыла бабочки в одной части мира вызывать ураган в другой?

Элдридж нахмурился.

– Не думаю, что это возможно.

– Это теория, эффект бабочки, также известный как теория хаоса. Согласно этой теории, одно якобы несущественное действие может иметь развитие и повлечь за собой разрушительные последствия. Понимаете? Не знаю, над чем сейчас работают ваши знакомые ученые. Что, если вы поделитесь с ними чем-то из того, что я вам рассказала, и эта информация будет недостающим фрагментом для того, над чем они работают? Фрагментом, который должен был возникнуть только спустя десятилетие или век? Я могу изменить временную прямую.

– Но что, если вы поделитесь чем-то, что изменит мир к лучшему? Вы об этом думали, моя дорогая?

Кендра замолчала на какое-то время, затем тяжело выдохнула.

– Фриц Габер, – произнесла она.

– Простите? Кто такой Фриц Габер?

– Человек, который тоже хотел изменить жизни людей к лучшему. – Она вспомнила фотографию человека, с залысинами, усами, круглолицего, с очками, похожими на те, что носил Теодор Рузвельт.

– Ему это удалось?

– Да. Поначалу. Он изобрел удобрение, которое в разы повышало урожайность. Возможно, он спас тысячи людей от неминуемого голода.

– Это удивительно.

– Так было... пока не разразилась война и его изобретение не взяли на вооружение.

Кендра имела в виду ядовитый газ, который ученый разрабатывал для Германии во время Первой мировой войны, благодаря чему Фриц Габер получил новое прозвище – отец химического оружия. Во Второй мировой войне нацисты будут использовать его изобретение в газовых камерах для убийств миллионов евреев, среди которых были и родственники Габера.

– Я не могу предсказать, как любое знание, которым я с вами поделюсь, повлияет на историю, – сказала она, – а у человечества и так достаточно проблем, с которыми ему придется сталкиваться.

Вид Элдриджа показывал, что ему хотелось еще поспорить. Но вместо этого он вздохнул.

– Вы все в будущем такие пессимисты?

Она засмеялась.

– Если читаешь новости, это неизбежно. Мы – сборище мрачных нытиков. И вспомните, чем я занимаюсь, то есть *занималась*. – Ее голос звучал хладнокровно. – Я не пессимист. Я *реалист*.

– Да... Я знаю, чем вы занимаетесь. – Он задумчиво посмотрел на нее. – Ваша теория бабочки предполагает, что произвольные события, даже самые несущественные, связаны между собой. Не думали ли вы, что это относится и к вашей ситуации?

– Что вы имеете в виду?

– Месяц назад я думал, что для вашего нахождения здесь есть какая-то причина, – напомнил ей герцог. – Вы спасаете общество от всяких извергов. Понимаете, дорогая? Мой племян-

ник не убивал леди Довер. Я это знаю, а вы это докажете. Кажется, мы все еще нуждаемся в ваших услугах.

* * *

Когда карета въехала в Лондон около трех пополудни, заходящее солнце окутало город серой мглой. По крайней мере, такова была первая мысль Кендры, когда она выглянула из окна. Затем она поняла, что увиденное ею было следствием загрязнения воздуха в девятнадцатом веке, коричневатые вредные испарения, которые низко нависали над городом, – результат использования миллионов каминов на угле и дереве; повсюду летали также частицы сухого навоза.

Как только они оказались в черте города, Кендру атаковал запах тухлых яиц, звук цоканья копыт и гром от колес повозок по мощеным улицам, крики разносчиков («Горячие пирожки!», «Букетики!», «Свежие устрицы и моллюски!»), которые смешивались с рокотом голосов, перемежающихся со смехом и гневными выкриками, а также странный стук и пронзительный звон. Люди стремительно сновали вдоль зданий, перебегали загруженные дороги и высыпали из узких извилистых проходов. Совсем как толпы пешеходов, бегущих по делам в современном Лондоне, подумала Кендра. Разве что менее искусственные в плане урбанизации.

Кендра наблюдала за попрошайками, съезжившимися у входных дверей домов, и детьми, одетыми в лохмотья, бегающими по улицам и, как ей казалось, то и дело воровавшими с тележек торговцев. Были рабочие всех мастей, грязные и растрепанные, но и чистенькие в домо-тканой одежде. И, как она с удивлением заметила, совершенно разных национальностей. В толпе большинство составляли белые лица, но были и черные, азиатские, восточные и средиземноморские.

Сельский пейзаж постепенно рассеивался, оставляя место рядам узких, окрашенных копотью одноэтажных и многоэтажных домов. Издалека она увидела знакомый купол собора Св. Петра и шпили здания Парламента, но эти достопримечательности города вскоре пропали из вида по мере того, как они двигались по узким улочкам, по которым кучер герцога искусно направлял карету, несмотря на плотное движение. Улицы были переполнены наездниками, погоняемым скотом, наемными экипажами, общественными и частными экипажами и нескончаемой вереницей пешеходов. Казалось, нет конца и края этим потокам людей.

Герцог тоже был под впечатлением.

– Не помню такого кошмара, – пробормотал он.

Кендра увела свой взгляд от окна.

– Когда вы в последний раз были в Лондоне?

– Три, может, четыре года назад. Семья пользуется моей резиденцией здесь. Кстати о ней, она пока что не совсем пригодна для жилья. Кейро привезет слуг, но так как они приедут на пару часов позже нас, мы пока нанесем визит Алеку.

– Он не у вас остановился?

– Нет, у него своя резиденция.

Кендра почти что не слышала его слова. Ее взгляд был снова прикован к происходящему за окном. Больше месяца назад она сама ехала по этому яркому и шумному городу, объединяющему в себе древнюю архитектуру и современные небоскребы. Само собой, этих сверкающих зданий из стали и стекла не было видно, но удивительное количество ранних сооружений все еще стояли.

Конечно, многие из тех зданий, которые она считала старыми в свою эпоху, в это время еще не существовали. Не было, например, викторианских пабов и таких визитных карточек Лондона, как Биг-Бен. Через двадцать лет пожар окутает помещения Вестминстерского дворца

и разрушит большую его часть. Известная башня с часами станет его новой частью после реконструкции в 1858 году.

Было странно видеть Лондон без Биг-Бена. *Неправильно* как-то.

По мере движения кареты улицы становились шире, а здания по обе ее стороны – изысканнее. Потоки транспорта и людей превратились в узкие струйки, а в некоторых районах и совсем исчезли. Казалось, что они опять в деревне, камень и тротуары то и дело прерывались огромными вкраплениями из газонов и деревьев.

Карета замедлила ход и принялась совершать невероятное число поворотов, достаточное для того, чтобы она полностью потеряла ориентацию на местности. Ее желудок неприятно сжался, когда они наконец остановились перед изысканным таунхаусом в георгианском стиле. Кучер соскочил со своего высокого сиденья и подошел, чтобы развернуть ступеньки и открыть им дверь.

Элдридж вышел первым и повернулся, чтобы предложить ей руку. Увидев, что она в нерешительности застыла, он улыбнулся ей приободряюще.

– Давайте же, мисс Донован. Алек будет счастлив снова вас увидеть.

Кендра ничего не ответила, вместо этого медленно подала свою руку и позволила герцогу помочь ей спуститься. Сила духа покидала ее при воспоминании об их последней с Алеком встречи, не далее как вчера утром.

Герцог, похоже, думал, что ей предписано судьбой спасти Алека. Но она знала, что это не так. Вообще-то, если бы она по-другому ответила на его вопрос, он не уехал бы из замка Элдридж. И не отправился бы в Лондон. Его бы сейчас не обвиняли в убийстве бывшей любовницы.

Кендра знала, что она Алеку не спасительница. Это она была в первую очередь виновна в том, что он оказался в этой ситуации.

4

Герцог не прибегнул к привычному ритуалу с визитками – не стал подавать свою карточку с именем, чтобы засвидетельствовать свой визит, что расстроило кучера, Кендра знала, что он невероятно гордился этой обязанностью. Будто бы не обратив внимания на удрученное выражение лица своего слуги, Элдридж быстро повел за собой Кендру вверх по короткому лестничному маршу к блестящей зеленой двери и три раза громко постучал дверным медным молотком в виде головы льва с внушительной шевелюрой. Он уже хотел постучать еще раз, когда дверь вдруг открылась.

Высокий крепкий мужчина с пшеничного цвета волосами и ярко-голубыми глазами хмуро на них смотрел.

– Да?

– Я герцог Элдриджский. Приехал повидать своего племянника маркиза Сатклиффа, – сказал Элдридж, в его вежливой манере всегда было что-то, что вызывало почтение.

Кендра не была удивлена, что их пустили. Мужчина зажмурился, затем кивнул и отошел в сторону, пропуская их внутрь.

– Конечно, сэр, ваша светлость... Мисс. Пройдите со мной, пожалуйста. Я Уильям Дрейк, между прочим.

– И каково ваше отношение к моему племяннику? – спросил Элдридж, когда они зашли за здоровяком в темный холл. Он был длинным и узким, стены представляли собой резкий контраст между темными панелями, которыми они были обшиты внизу, и белой штукатуркой наверху. Портреты в фигурных рамках свисали на золотистых веревках, подвешенных рядом с лепниной под потолком. Кендра гадала, принадлежали ли все эти лица, которые смотрели на нее с них, аристократам голубых кровей, предкам Алека и герцога.

– А, меня просто позвали для подкрепления, – объяснил Уильям. – Я ночной страж. Сэм Келли с его светлостью находятся в маленькой столовой.

– Сэм Келли расследует это дело? – спросил удивленно герцог и обменялся взглядом с Кендрой.

– Ну да. Вы вроде с ним знакомы?

– Да, мы имели с ним дело месяц назад. Он отличный сыщик.

Они прошли по лестнице и двинулись по коридору к двойным дверям, одна часть которых была открыта. Уильям почтительно отошел в сторону, чтобы они могли войти в комнату первыми. Герцог проделал то же самое, чтобы пропустить вперед Кендру.

На какую-то долю секунды она заколебалась и мысленно посетовала на то, что герцог ведет себя так по-рыцарски. Она не хотела входить в комнату первой. Но спустя еще секунду ей стало стыдно от собственного малодушия, и она выпрямила плечи. Не обращая внимания на нервный трепет в животе, она переступила порог. *Никогда не показывай свою слабость.*

Это была большая комната в мужественных оттенках коричневого, зеленого, золотого. Бежевые полотняные пыльники были сброшены на пол, очевидно, совсем недавно ими была укрыта мебель. Четыре огромных окна занимали стену напротив камина в неоклассическом стиле, где горел огонь, его пламя вгрызалось в дрова и совсем немного обогревало помещение.

Она заметила это все лишь мимоходом, своим боковым зрением, в то время как все ее внимание сразу же было приковано к мужчине, небрежно раскинувшемуся в одном из кресел. Он держал в руке стакан, полный виски или бренди, как показалось Кендре. Она уже давно поняла, что люди в этой эпохе могут пить спиртные напитки в любое время суток.

При их появлении он отвел свой взгляд от пламени, чтобы, по обыкновению, мельком посмотреть на вошедших незваных гостей. Его глаза, темно-зеленого цвета с золотыми крапинками вокруг зрачка, затерявшиеся среди иссиня-черных ресниц, были холодными и отрече-

шенными. Но они резко вспыхнули, а отстраненность как рукой сняло, когда он увидел ее. Рука, державшая тяжелый стакан, немного дернулась, а затем проворным движением он уже резко поднялся на ноги.

Маркиз Сатклифф в отличие от своего дяди обладал южными чертами, своей оливковой кожей и угловатой привлекательной внешностью он был обязан покойной матери, итальянской графине, которая вышла замуж за английского аристократа. Он был высок для своего времени, сто восемьдесят сантиметров, и довольно спортивного телосложения (что не было чем-то необычным для этой эпохи). Но все же усталость и переживания наложили свой отпечаток. Тени, существование которых она раньше не замечала, застыли в его взгляде. Темная щетина от пропущенного сегодня бритья придавала ему лихой вид.

– Мисс Донован! Ваша светлость! – Это приветствие последовало от Сэма Келли.

С облегчением Кендра отвела взгляд от Алека и обернулась к знакомой фигуре, спешившей навстречу им через всю комнату. Сыщик был крепким мужчиной небольшого роста с эльфийскими чертами лица, рыжевато-коричневыми кудряшками и седеющими баками. Его глаза были светло-голубого цвета, почти что золотистые, как испанский дублон. Прямо сейчас он улыбался им, но Кендра знала по своему опыту, как быстро взгляд может стать «полицейским», невыразительным и пронзительным. Они с Алеком пару раз сами испробовали этот непроницаемый взгляд месяц назад, когда вместе охотились на серийного убийцу.

Изначально они относились друг к другу с недоверием. Кендра недооценивала его способности, считая его всего лишь отсталым детективом из девятнадцатого века, у которого было мало экспертно-криминалистического опыта, в то время как Сэм смотрел на ее необычные навыки в раскрытии преступлений с большой долей подозрения и неодобрения. Вдобавок ко всему, он знал, что она солгала относительно своего прибытия в Англию. Она же не могла сказать ему правду, лишь Алек и герцог были в курсе ее тайны. Но она вскоре смогла довериться Сэму как своему коллеге. Ведь в конце концов оказалось, что основные задачи полицейских мало чем отличались в этой эпохе, даже несмотря на то что в Англии девятнадцатого века еще не существовало настоящей полицейской службы, вместо нее была туманная система констеблей, мировых судей, шерифов, бейлифов, сыщиков и стражей вроде Уильяма Дрейка.

– Рад вас видеть, ваша светлость. – Сэм сделал небольшой поклон. Он повернулся к Кендре и заулыбался. – И вас, мисс Донован. Хорошо выглядите. Намного лучше, чем когда я видел вас последний раз.

– Спасибо. – Кендра улыбнулась. Последний раз, когда они друг друга видели, ее закололи ножами и забили почти до смерти. – Мне намного лучше.

– Вы все-таки решили не покидать нас? – Алек резко прервал обмен любезностями.

Она напряглась и обернулась на маркиза.

– Это было не мое решение.

– Понятно.

Кендра услышала нотки презрения в его ответе и почувствовала прилив ярости. Как он смеет с ней так разговаривать? Будто бы обвиняя ее в том, что она не приняла его предложение вчера утром?

«Останься. Выйди за меня».

Она снова вспомнила эти слова и вместе с ними свое нервное возбуждение и кружащий голову страх. Черт, он понятия не имел, что требовал от нее, понятия не имел, что просил ее бросить. Будущее, *ее* будущее было далеко не идеальным, но по крайней мере у нее было право голоса там.

– Где леди Ребекка? – вдруг спросил Сэм, оглянувшись, как будто бы крестница герцога могла сама по себе неожиданно возникнуть рядом с диваном.

– Леди Ребекка вернулась в свои семейные владения, – осторожно ответил герцог. – Но очевидно, что, будучи моей воспитанницей, мисс Донован не обязательно быть компаньонкой леди Ребекки.

Кендра отдала должное Сэму, который не повел и глазом. Он только немного приподнял брови и затем кивнул.

– Понимаю, сэр.

– Вы всегда удивляете, мисс Донован, – тихо и язвительно пробормотал Алек в ответ на комментарий герцога. Конечно, он не мог еще знать о намерении герцога сделать Кендру своей воспитанницей и узнал это таким образом.

Алек развернулся, неторопливой походкой дошел до стола, на котором располагалось полдюжины резных хрустальных декантеров.

– Простите. Я ужасный хозяин. Герцог, не желаете ли вы со своей воспитанницей чего-либо выпить? К сожалению, не могу предложить кофе или чай, так как я временно без слуг. Не хотите ли бренди? Мадеру или херес?

– Бренди, спасибо, – сказал Элдридж. – Мисс Донован?

– Да, конечно. И можно еще бумагу и ручку? Я бы хотела делать заметки об убийстве. Мы же из-за этого здесь, – напомнила она присутствующим и немного вздрогнула от неприятных высоких ноток в своем голосе. Но ее нервы были на пределе. От выражения удивления на лице Уильяма Дрейка ей легче не стало.

Элдридж, должно быть, тоже заметил выражение ночного стража, потому что решил продолжить:

– Я здесь, чтобы расследовать преступление, в котором ошибочно обвиняется мой племянник, мистер Дрейк. Моя воспитанница будет мне в этом помогать.

Уильям поднял брови.

– Ваша воспитанница помогает вам в таких вещах?

– Да, так же как Каролина Гершель помогала своему брату Вильяму открыть несколько планет, помните?

– Вообще-то, Каролина Гершель сама открыла несколько планет, – заметила сухо Кендра и искоса посмотрела на герцога. Она понимала, что он пытается спасти ее репутацию, но ее раздражало, что вклад Каролины Гершель таким образом сводится к минимуму. Она сейчас играла роль второй скрипки, но не из-за отсутствия таланта, а из-за своего пола.

Она повернулась к Сэму.

– Мистер Келли, почему бы вам не рассказать... *герцогу* об убийстве, пока я буду делать записи?

– А, ну да. – Он откашлялся, Кендре показалось, будто бы он прячет таким образом смех. По крайней мере, огонек в его глазах точно был веселый.

Вся неуместная веселость пропала, когда он сказал ей:

– Ее светлость прирез... гм, закололи. И... нанесли порезы... – Он сделал паузу, когда Элдридж принялся рыться в соседнем столе и в конце концов достал оттуда писчую бумагу и графитовый карандаш, которые сразу же передал Кендре.

– Продолжайте, – обратилась к нему Кендра, сев за стол.

– Ее экономка миссис Пирсон обнаружила ее вчера ночью. Мистер Дрейк оказался первым на месте преступления, затем вызвали и меня. Я прибыл за десять минут до полуночи.

– А во сколько экономка ее обнаружила? – спросила она.

Сэм кивнул ночному стражу.

– Во сколько, мистер Дрейк?

– В одиннадцать или около того. Я прибыл где-то спустя пятнадцать минут.

Кендра все записала.

– Слуги ничего не слышали, никого не видели?

– Ну нет... Леди Довер отослала всех слуг до утра, – сказал Уильям.

– Почему?

Уильям выглядел так, будто его галстук вдруг резко сжался и начал его душить.

– Ну, гм. Что ж, здесь такое дело...

– Кажется, она кого-то ожидала, – медленно ответил Сэм.

– Понятно. – Кендре все и правда было понятно. Она холодно посмотрела на Алека. –

Вас?

– Нет. – Алек встретился с ней взглядом, передавая ей бокал с бренди.

– Тогда почему подозревают вас? – спросила она, не сводя с него глаз, когда принимала бокал.

– Недоразумение.

– Разве не все так говорят? – пробормотала Кендра. В горле у нее пересохло, поэтому она позволила себе сделать небольшой глоток, после чего отодвинула от себя бренди. И посмотрела на Сэма.

– С чего вы взяли, что леди Довер ожидала лорда Сатклиффа?

– Миссис Пирсон. Она полагала... у нее было такое впечатление... – выдавил из себя Сэм и посмотрел на Алека.

Кендра снова повернулась к маркизу.

– Знаю, что вы состояли в отношениях с леди Довер, – без всяких обиняков произнесла она. – Полагаю, экономка знала о вашей связи?

– Леди Довер и я были в некотором роде друзьями, – бесстрастно признался он. – Но наша связь была окончена более месяца назад. Сказать ли почему?

– Нет. – Она и сама знала. От этого у нее... возникало чувство, которое она не могла описать. Она откашлялась. – Если вы порвали с ней месяц назад, то почему экономка леди Довер думает, что это вас она ожидала прошлой ночью?

– Порвали? – Алек слегка развеселился, его зеленые глаза стали ярче. – Своеобразная формулировка, которая подразумевает, что что-то разбилось.

– А разве что-то *не* разбилось? Например, сердце леди Довер?

Его рот искривился в небольшой невеселой улыбке.

– Нет. В сердце Корделии не было места ни для кого, кроме как для нее самой. Она меня не любила. Однако она была горделивой и красивой женщиной и отказывалась признавать, что наши отношения окончены. Или, точнее, что это я положил им конец. Она написала мне несколько писем, выражая желание продолжить наши... отношения.

– Понятно.

– Вам понятно? Леди Довер не была невинной девушкой, и наши отношения нельзя назвать исключительными.

– Подразумеваете ли вы под этим, что она имела связи с другими мужчинами?

– Как я уже сказал, она была красивой женщиной. Она коллекционировала почитателей, как другие женщины коллекционируют безделушки.

Кендра вспомнила, как леди Довер вела себя на вечеринке в замке, когда единственным почитателем, которого, как казалось, она хочет заполучить, был Алек.

– Вы знаете имена других ее поклонников?

– Нет. Корделия не обсуждала со мной свои отношения.

Учитывая ее романтический интерес к Алеку, молчание на эту тему было логичным.

Кендра взглянула на Сэма, который ей кивнул в знак того, что ожидал все эти вопросы.

– Мы уже интересовались этим во время нашего расследования, мисс.

– Всплыли какие-то имена?

Сыщик покачал головой.

– Нет, пока нет. Но иногда проходит какое-то время, прежде чем народ начинает говорить, особенно если это касается их господ.

Кендра понимала. Ничто так не заставляло молчать большинство, как страх расправы со стороны богатых и влиятельных, так было даже в ее время.

– Во сколько она отослала слуг? – спросила она.

– В восемь.

– То есть в восемь она еще была жива. Кто последним ее видел?

– Миссис Пирсон и дворецкий мистер Сэйерс. Они вместе вышли после того, как выполнили указания хозяйки. И только позже, спустя какое-то время, миссис Пирсон поняла, что забыла свое лекарство, после чего она вернулась и обнаружила свою хозяйку мертвой.

– Видела ли она кого-то или слышала что-то?

– Нет. Но задняя дверь была открыта.

– Вы думаете, убийца проник через заднюю дверь?

Сэм медлил с ответом.

– Возможно. Или же он зашел через переднюю дверь и вышел через заднюю. Миссис Пирсон сказала, что задняя дверь была неплотно закрыта.

Кендра уставилась на сыщика.

– А передняя дверь тоже была открыта?

Ответил Уильям Дрейк:

– Она была закрыта, но не на замок.

– Хорошо. – Она решила пока что оставить это направление расследования. Она больше поймет, когда окажется на месте преступления и обойдет территорию. – А что насчет соседей? Они что-нибудь слышали? Видели кого-то у дома?

– Нет.

Кендра сверилась со своими записями.

– Вы сказали, у нее были порезы. Это не те же самые, что от нанесенных ударов?

Сэм покачал головой.

– Ей порезали лицо, – медленно произнес он. – Это сделано... особенным образом. Думаю, это сделали после того, как ее закололи. По крайней мере, я на это надеюсь. Доктор Манро, скорее всего, сможет сказать точнее.

Кендра подняла брови.

– Доктор Манро делает вскрытие?

– Ага.

– Кажется, вся наша команда снова в сборе, – пробормотал герцог, недвусмысленно посмотрев на Кендру.

Она сделала вид, что не заметила этот взгляд, так как не собиралась сейчас размышлять на тему глубокого значения их воссоединения. Это бы слишком отвлекло ее. Она перевела взгляд на Алека.

– Знаете, было бы очень хорошо, если бы у вас было алиби на время с восьми до одиннадцати вечера вчерашнего дня.

Рот Алека дернулся, но Кендра не была уверена, было ли это выражение удовольствия или раздражения.

– Уверен, это было бы неплохо, мисс Донован. Но, к сожалению, у меня его нет, мистер Келли и мистер Дрейк могут это подтвердить. У меня нет сейчас слуг. Нет даже лакея. Когда я вчера утром покинул замок Элдридж, я ехал верхом до Лондона... один.

– И сразу же приехали сюда?

– Думаю, у меня было какое-то желание поехать в клуб. Но когда я прибыл сюда, то решил остаться. Я прикончил одно прекрасное вино. Могу показать пустую бутылку.

Элдридж уставился на племянника.

– Размышлял о чем-то неприятном, Алек?

Маркиз пожал плечами и промолчал.

Кендра заметила испытующий взгляд Сэма, ее раздражало, что при этом ее лицо явно вспыхнуло. *Ничего личного.*

– А миссис Довер пыталась контактировать с вами после вашего приезда? – спросила она резко.

– Я не в курсе. Не думаю, что она вообще знала, что я в городе.

– Вы уверены?

– Мое возвращение было неожиданным. Никто в городе не знал, что я приеду. И, как я уже говорил, я провел вечер в одиночестве.

Кендра нахмурилась и посмотрела на Сэма.

– Экономка не видела убийцу, и только на основании ее предположений известно, что леди Довер ожидала именно лорда Сатклиффа. Это довольно неосновательное доказательство для того, чтобы обвинить маркиза в убийстве.

Сэм удивленно поднял брови.

– Его светлость и не обвиняется в убийстве. Для этого потребуется вердикт палаты лордов. Только они могут осудить дворянина за преступление.

Кендра уставилась на сыщика, не веря своим ушам. Она знала, что здесь существует классовая система, но две системы *правосудия* – это уже слишком.

– Не беспокойтесь так, мисс Донован. Если повезет, меня всего лишь сошлют в Ньюгет⁴, если созовут палату лордов, – саркастически заметил Алек.

– Не в этом дело, – раздраженно отрезала она. – Дело не в вас. А в правосудии для всех, вне зависимости от класса, пола и расы.

– Благородно звучит, но мы не в вашей Америке.

Она испепелила его взглядом.

– Не вам мне об *этом* рассказывать.

Конечно, откровенно говоря, Кендра понимала, что даже в ее Америке правосудие не всегда одинаково относилось к разным расам, полу, политической элите или привилегированным слоям. Сколько раз известным людям удалось избежать наказания, потому что их лицо было известно миллионам? Сколько раз обычного гражданина судили за правонарушение, которое сошло бы с рук политику?

– Алек, может, и не закован в кандалы, мисс Донован, но его будущее ни в коей мере нельзя назвать безмятежным, – мягко вмешался Элдридж. – Если в палате лордов будет достаточно тех, кто его не поддержит, его вполне могут повесить или отправить в ссылку. Мы должны найти настоящего убийцу.

Знакомый вес ответственности опустился на ее плечи. Она встретила взглядом с герцогом и кивнула.

– Да, сэр. Мне нужно самой осмотреть место преступления и тело.

Элдридж недоверчиво нахмурился.

– Место преступления – возможно...

– И тело, – уверенно повторила она, не отрывая от него взгляда. К черту приличия этого времени. Она не займется этим, если не сможет действовать как следует.

– Не думаю, что доктор Манро будет против, сэр, – осторожно вставил свою реплику Сэм.

– Меня беспокоит не доктор Манро, – печально ответил герцог. – Ну хорошо. Не слишком ли поздно уже для визита к доктору, мистер Келли?

– Ни в коем разе. Я отведу вас к нему, сэр, мисс.

⁴ Ньюгетская тюрьма в Лондоне.

Когда Кендра поднялась, она увидела, что Уильям Дрейк все еще странно смотрит на нее. Она не слишком вошла в роль помощницы герцога. Она решила не волноваться на этот счет.

– Вы не можете пойти с нами в морг, – сказала она Алеку, когда он тоже встал.

– Я это понимаю, мисс Донован. У меня нет ни малейшего желания увидеть Корделию в таком состоянии, – сказал он тихо. – Вне зависимости от характера наших отношений, она не заслужила того, что с ней сотворили.

– Знаю. Понимаю. – В ответ на его мрачный взгляд она потянулась за его рукой и сжала ее, надеясь, что этот жест ободрит его. Она лишь мельком видела леди Довер во время приема леди Этвуд. Она ей не понравилась, но теперь эта женщина стала жертвой жестокого преступления. Она заслуживает правосудия.

– Я сделаю все, что в моих силах, – сказала она ему. Только это она и могла пообещать.

5

Во времена, когда Римская империя завоевала половину мира, район Ковент-Гарден, где располагалась медицинская школа доктора Манро, был торговым городом и назывался Лунденвик. Он до сих пор был центром торговли, но ее характер отличался от того времени, когда фермеры и торговцы обменивались свиньями и мешками с ячменем. С начала восемнадцатого века самой большой сферой торговли здесь стала проституция. Кендра с легкостью различала на улицах тружениц панели. Они передвигались размашисто, черты их лиц были подчеркнуты румянами, пудрой и помадой, на них были яркие платья с низким декольте, которое обнажало больше, чем скрывало, их юбки собирались складками над областью колен или имели прорези, чтобы показать соблазнительные бедра.

Кендру в очередной раз удивило невероятное число людей на улицах города, по которым ехала их карета мимо таверн в стиле Тюдоров, магазинчиков и моря переполненных кофеен. «Старбакс», очевидно, не какое-то веяние двадцать первого века.

Королевский театр возвышался над всем Ковент-Гарденом. Она знала, что это не то же самое здание, которое существовало в ее эпоху. Театр уничтожен пожаром и заново выстроен. Бегло посмотрев на узкие деревянные дома по обе стороны улицы, Кендра была не удивлена, что Лондон был и еще будет до основания разрушаться пожарами. Учитывая большое количество свечей, масляных ламп и каминов, разжигаемых углем и деревом, которые находились в каждом жилище, можно было только поразиться, что город не сгорал дотла еще чаще.

Карета с рывком остановилась перед широким трехэтажным кирпичным зданием. Снаружи не было никакого опознавательного знака о его предназначении. Кендра решила, что это было сделано осознанно. Несмотря на то что некоторые древние законы, запрещающие вивисекцию, были отменены, отношение к медэкспертизе все еще было неоднозначным. Лишь трупы казненных преступников могли быть использованы в анатомических школах вроде школы доктора Манро, что означало постоянный недостаток материала для анализа. Как и сухой закон, породивший бутлегеров, это государственное постановление привело к возникновению нового рода преступников – похитителей трупов, которые восполняли пробелы, выкапывая свежие останки из могил. Кендра знала, что некоторые из них были слишком свежими, некоторые нетерпеливые и бессовестные похитители прибегали к убийствам, чтобы восполнить квоты.

Кучер открыл дверь и разложил ступеньки, чтобы они могли спуститься. Кендра заметила, что его глаза при этом напряженно осматривались по сторонам, а рука была прикована к прикладу мушкетона, втиснутого под ремень. Кендра подумала, что кучер был не только водителем герцога, но еще и его телохранителем.

– Пойдемте, дорогая. – Герцог взял ее под руку, и они последовали за Сэмом по короткому лестничному маршу к двери. Внутри шипели масляные лампы, освещая холл, обшитый темными панелями. В конце холла был коридор, разделенный на два прохода, вправо и влево. Прямо перед ними находилась пара двойных дверей. Кендра под влиянием любопытства остановилась и заглянула внутрь. В помещении было темно, как в колдовском котле, но она примерно различала его интерьер. Она разглядела по центру платформу с огромным столом в виде плиты, окруженной деревянными трибунами.

– Здесь доктор Манро преподает, – сказал Сэм, оглянувшись на нее.

Кендра кивнула, и они продолжили свой путь по темному холлу, свернув направо. Они прошли еще несколько закрытых дверей, после чего Сэм остановился перед последней из них и постучался. Раздался приглушенный ответ, и сыщик толкнул дверь, жестом пригласив их внутрь.

– Добрый вечер, доктор Манро, я...

– Минуточку, если позволите, мистер Келли. – Доктор даже не поднял взгляд на сыщика. Вместо этого он продолжил яростно корябать что-то на доске.

Он был не один. Худенький молодой человек с тонкими светлыми волосами и слабо выраженным подбородком до их прихода сидел перед доской, но теперь вежливо встал.

Ожидая, Кендра изучала захламленный кабинет. Его стены были уставлены стеллажами со всевозможными книгами, инструментами, парой медных микроскопов и большими лабораторными стаканами. Некоторые из них были пусты. Другие наполнены мутной жидкостью, в которой можно было разглядеть кусочки бледных плавающих предметов. Затем она посмотрела на настоящий скелет, который был собран и подвешен на Т-образную подставку в углу, его закрепленная проволокой челюсть была немного разинута, как будто бы коряво улыбаясь присутствующим.

– Что ж, мистер Келли, я только... Ваша светлость! Мисс Донован! – Нотка раздражения в голосе доктора Манро исчезла, как только он понял, что сыщик пришел не один. Он кинул свою ручку-перо и резко встал, обогнул стол с улыбкой, протянув руки Кендре. – Мисс Донован, искренне рад снова видеть вас в прекрасном здравии.

Он был высоким видным мужчиной немного за пятьдесят, свои густые серебристые волосы он завязывал в хвостик. Брови у него, однако, были темными, они нависали над умными серыми глазами, которые смотрели на этот мир сквозь круглые очки, крепко усаженные на ястребином носу.

Кендра улыбнулась ему в ответ. Она отлично помнила, как он заботился о ней после того, как ее чуть было не убил сумасшедший маньяк.

– Это вам я должна быть за это благодарна, доктор Манро. Ваши компрессы работают.

– Замечательно. – Он отпустил ее руки, его взгляд обратился к герцогу и Сэму.

– Но я подозреваю, это не визит вежливости? Вы здесь для того, чтобы обсудить убийство леди Довер?

– Не только обсудить, я хочу увидеть ее тело, – сказала прямо Кендра.

Манро удивленно посмотрел на герцога.

– Будет ли это разумно, сэр? Мы ведь не в замке Элдридж.

Кендра напряглась, ее раздражало, что доктор, кажется, больше заботится о приличиях, чем о том, чтобы помочь делу. И вопрос он задал не *ей*, он спрашивал герцога, как будто бы она была ребенком.

– Почему это неразумно? – спросила она.

Элдридж дотронулся до ее руки, пытаясь успокоить ее.

– Я понимаю ваше беспокойство, доктор Манро, но мой племянник находится под подозрением в связи с убийством леди Довер.

– Я в курсе, сэр.

– Полагаю, помощь мисс Донован в этом деле будет неоценима. Конечно, я бы не хотел, чтобы о моей воспитаннице ходили какие-то неподобающие слухи. Надеюсь, никто не узнает о ее участии в этом деле, кроме того факта, что она помогает в его расследовании.

– Вашей воспитаннице? Ох. – Манро изумленно посмотрел на Кендру. – Понимаю. Я ничего не скажу.

– Вы всегда были крайне рассудительны, доктор Манро. Однако... – Элдридж недвусмысленно уставился на молодого человека.

– Простите мои манеры. Это мой ученик мистер Бартс, – представил его Манро. – Мистер Бартс, это герцог Элдриджский и мисс Донован... Воспитанница его светлости. Мистера Келли вы знаете.

– Ваша светлость, мисс Донован. – Бартс неуклюже поклонился.

– Что скажете, мистер Бартс? – обратился к нему герцог. – Могу ли я полагаться на ваше благоразумие в этом деле?

Бартс непонимающе уставился на него.

– В этом деле, сэр?

– Моя воспитанница пройдет с нами в комнату для вивисекции. Я бы не хотел, чтобы имя мисс Донован каким-то образом было опорочено.

Ученик посмотрел ошарашенно на Кендру, затем резко отвел взгляд.

– Понимаю, сэр. Я никому ничего не скажу.

– Нет причины для беспокойства, ваша светлость, – уверил Манро. – Мы, анатомисты, умеем хранить тайны. Несведущие люди всегда пытались сдержать научный прогресс, они готовы подхватить любой небольшой слух и использовать его против нас. Не так разве, мистер Бартс?

Бартс активно закивал.

– Да. Именно так.

Манро двинулся в сторону двери.

– Тогда решили. Пройдемте за мной.

Они направились обратно в холл, а затем по коридору слева от входа, который после длинного лестничного марша резко нырнул куда-то вниз. Логично, что тела хранили в подвале, подумала Кендра, там, естественно, было холоднее. Но все же тела не могли здесь складировать в ожидании вивисекции, как в современных моргах. Без бальзамирования или охлаждения трупы быстро разлагаются, за пару дней самое медленное, а затем телесные газы начинают расширять плоть, превращая любую экспертизу в бесполезную трату времени. И вонь тоже становится невыносимой.

– Мистер Келли объяснил вам, что сотворили с лицом леди Довер? – поинтересовался доктор Манро.

Кендра кивнула.

– Он сказал, что его порезали. И что это сделано особенным образом.

– Да, крайне особенным, – согласился Сэм, когда они вошли в темную комнату, которая была пропитана запахом разложения.

– Мне интересно, что вы скажете об этом особенно варварском акте, – сказал доктор Манро, после чего он вместе с Бартсом пару минут зажег настенные канделябры и свечи.

Мигающий свет явил шкафы и полки, старые микроскопы и колбы, как из кабинета доктора Манро, наполненные непрозрачной жидкостью с бледными, похожими на амебу частичками, которые, казалось, устали на Кендру сквозь этот темный раствор.

Она вздрогнула от холода в этом подвальном помещении, или она себя пыталась убедить в этом. Она никогда не была чувствительной, но сейчас ей захотелось перевести взгляд на более повседневные предметы в комнате, чтобы восстановить равновесие. Она посмотрела на деревянные ведра, наполненные красноватой водой, губки, металлические инструменты, гору одежды, пару туфель. Здесь было приятнее, чем в ледяном хранилище, которое превратилось в импровизированный морг в замке Элдридж, но все же не слишком приятно, как ей показалось. Кендра никогда не могла бы предположить, что будет скучать по стерильным помещениям для вскрытия из двадцать первого века с их суровым флуоресцентным светом и запахом химикатов.

Особенно ей не хватало запаха химикатов. Ничто не может устранить запах смерти полностью, но химикаты помогали отвлечься от него. Здесь же дыхание смерти было невыносимым. Она чувствовала его, как кислую таблетку, застрявшую в горле.

Было три пустых стола. Над каждым висело железное приспособление, которое было похоже на колесо телеги, закрепленное к потолку тяжелой цепью. На внешней стороне колеса были крючки. Манро и мистер Бартс начали вешать светильники на эти крючки, создавая круг света прямо над столом.

– Мое собственное изобретение, – объяснил Манро. – Уменьшает риск заражения тела благодаря капающему со свечей воску.

– Оригинально.

– Спасибо.

Вместе с Бартсом он исчез за другой дверь. Спустя минуту они появились с носилками, на которых лежало тело, накрытое хлопковой тканью. После установки носилок на столе посередине Манро поправил свои очки и посмотрел на Кендру.

– Что ж. Я понимаю, что вы не из трусливых, мисс Донован, но я не могу не предупредить, что предстоит ужасное зрелище.

– Принято к сведению. – Она попыталась звучать не резко, но ей уже начинало надоедать, что с ней так осторожничают. Если бы женщины были такими слабыми созданиями, как себе представляют эти джентльмены, человечество бы уже вымерло сто лет назад.

– Мистер Барнс, пожалуйста, помогите мне развернуть ткань. Мы пока что не будем открывать лицо. Я хочу, чтобы все сконцентрировалось на повреждениях, от которых она скончалась.

Когда они обнажили тело полностью, Кендра увидела, что доктор Манро уже провел вскрытие. Она не обратила внимания на стандартный Y-образный надрез и плохо сделанные швы – медэксперты не обязаны владеть изящными навыками пластических хирургов – и сфокусировалась вместо этого на жестоких ранах, которыми была усеяна грудь леди Довер.

– Я насчитал сорок три ножевых ранения, – сказал Манро. – Книзу наносятся под углом.

– То есть преступник был выше жертвы.

Манро покосился на нее через тело.

– Или же она сидела, когда он на нее напал.

– Ее нашли в сидячем положении в гостиной наверху. Конечно, она могла упасть на диван после нападения, – сказал Сэм.

– Она точно умерла сидя, – сказал Манро. – У нее трупные пятна на ягодицах и на задней стороне бедер.

Кендра придвинулась ближе.

– У вас есть увеличительное стекло?

– Конечно. Мистер Барнс?

Его ученик достал увеличительное стекло из одного из шкафов. Он посмотрел на Кендру странным взглядом, передавая ей инструмент. Не обращая внимания на Барнса, она нависла над телом и наклонила стекло, чтобы лучше рассмотреть.

– Определенно рваные раны, а не резаные, – согласилась она, нахмурившись. – Но вот эти ранения похожи на колотые. Что за нож мог такие нанести? По ширине узкие, но проникновение довольно глубокое. «Больше ножа для колки льда, – подумала она. – Но похожий».

– Лезвие было восемнадцать сантиметров длиной и полтора шириной. У него еще необычный контур. Треугольной формы. Кончик острый, но само лезвие – нет, что делает его неподходящим инструментом для резки.

Кендра вдруг что-то вспомнила. Какое-то другое дело, над которым она работала...

– Может, это кинжал?

Доктор Манро сначала удивился, а потом сменил свое выражение на радостное.

– Да! Отлично, мисс Донован.

– Кинжалы – необычное оружие, – заинтригованно заметил Элдридж. – Раньше рыцари часто пользовались ими на полях сражений как вспомогательным оружием. Их называли *miséricorde*. Знаете почему?

– Милосердие, – с легкостью перевела Кендра. У нее была расположенность к языкам, она свободно говорила сразу на нескольких, включая французский.

– Да, мисс Донован. Кинжал был достаточно тонким, чтобы протиснуться через кольчугу, которую носили на полях битв. Рыцари часто использовали его, чтобы прикончить раненого противника. Это был, собственно, акт милосердия, отсюда и название. – Свет от фонаря попал на лицо герцога так, что превратило его глазницы в мрачный темный омут. – К леди Довер милосердие применено не было.

– Да, – тихо согласилась Кендра, ей лишний раз стало не по себе от человеческой способности к насилию по отношению к себе подобным.

– Кинжал был и инструментом наемников, – подчеркнул Сэм. – Быстрый и смертельный. Его просто спрятать под одеждой.

– Это важное замечание, – сказала Кендра. – Находилась ли в комнате, где была найдена леди Довер, коллекция древнего оружия?

Сыщик выглядел озадаченным.

– Нет. А что?

– Метод исключения. Таким образом, мы не имеем дело с преступлением, совершенным импульсивно. У них не было жаркого спора, он не схватил находящееся под рукой оружие и не убил ее в приступе бешеного гнева. Он, должно быть, принес оружие с собой, что означает, что это преступление было спланировано.

Кендра, нахмурившись, принялась изучать рваные раны на туловище. *Слишком много.*

– Возможно, он планировал ее убить, но он не наемник, – продолжила она медленно. – Он потерял контроль, увлекся, пока закалывал ее.

Манро кивнул.

– Я соглашусь. В этих ранениях есть определенное, как вы выразились, *бешенство*.

– Но все же в какой-то момент он контролировал ситуацию, – добавила Кендра.

Герцог нахмурился.

– Почему вы так думаете?

– Предположим, что убийца использовал переднюю дверь для своего появления, тогда леди Довер должна была его впустить. Она же не была идиоткой. Нужно быть идиоткой, чтобы впустить в дом мужчину в приступе неконтролируемого гнева.

– Это так, но, как сказал Алек, леди Довер была красивой женщиной, уверенной в своей красоте, – отметил Эдридж. – Возможно, если он был в гневе, она подумала, что сможет использовать свои женские чары, чтобы успокоить его?

– Это возможно, я полагаю, – признала Кендра.

Она снова обратила свое внимание к телу и на надрезы на руках.

– Он напал на нее, но она не была пассивна. Она боролась или, по крайней мере, пыталась защититься, подняв руки. Видите? Это ранения от защиты.

– Да, – согласился Манро, – полагаю, нападение было быстрым и неожиданным, оно длилось менее двух минут. Она поддалась шоку и упала или же с самого начала была в сидячем положении. К сожалению, смерть ее не пришла так быстро. Из-за того что нож вонзили движением вниз, он попал в кость столько же раз, сколько и в жизненно важные органы. На ее ребрах несколько царапин, возникших из-за столкновения с лезвием. Кровотечение было по большей части внутренним, в брюшной полости и в области легких.

– Ну да, – согласился Сэм, кивнув. – На месте преступления было мало крови, учитывая масштаб ранений.

– При таких колотых ранах не бывает много крови, – сказал Манро.

Кендра изучила повреждения.

– Убийца правша.

Сэм поднял брови.

– Как вы...

– Большинство ранений направлены в левую сторону туловища леди Довер, – сказала Кендра, не дав договорить сыщику. – И большая часть ранений от защиты находится на ее левой руке. Если он держал оружие в правой руке, то опускал его естественным образом влево. – Она повернулась к герцогу, так как он стоял ближе всех, и изобразила нападение с помощью увеличительного стекла вместо ножа. – Если бы я держала нож, ваша светлость, вы бы подняли руки, чтобы защититься, и...

– Вы бы ударили по моей левой руке, так как такова естественная траектория. Да, понимаю, что вы имеете в виду. Потрясающе.

– Еще, так как колотые раны довольно глубокие, мы знаем, что преступник приложил достаточно сил. Если бы убийца использовал свою недоминирующую руку, ранения были бы менее глубокими.

– Важное наблюдение, мисс Донован, и я с ним согласен. – Манро улыбнулся ей. Затем он пересек комнату и подошел к столу, подняв ткань, которую она заметила ранее, и развернул ее, демонстрируя бледно-голубое шелковое вечернее платье. Его лиф имел глубокий вырез и сверкал мелким жемчугом и вышитыми цветами.

Мило, подумала Кендра, если не обращать внимания на пятна крови и разрезы, сделанные ножом.

– Я совместил ранения на теле с прорезями на ткани, – сказал Манро.

– То есть она была одета, когда на нее напали, – сделала вывод Кендра.

– Да. И признаков сексуального насилия нет.

Кендра подошла к столу, чтобы изучить другие предметы: бежевого цвета рубашку и корсет, такого же цвета чулки, кружевные подвязки. Были и туфли, больше похожие на тапочки, из бледно-голубой шелковой ткани и украшенные, как и лиф платья, вышивкой и жемчугом. Они были удивительно маленькими, будто принадлежали ребенку.

– Она точно оделась для кого-то, – пробормотала она.

– По всей видимости, да. – Манро вернулся к столу для вивисекции. – Теперь я сниму ткань с ее лица. Мисс Донован, мне интересно услышать, что вы скажете по этому поводу. – Без дальнейших промедлений он поднял ткань и передал ее ученику.

Кендра была не новичок в таких делах. Будучи профайлером ФБР, она видела многое как собственными глазами, так и на фотографиях, которые ей приходилось изучать. Однако ее сердце странным образом сжалось, когда она увидела на платформе под мигающим светом от масляных ламп леди Довер в таком состоянии.

Они не были друзьями. Вообще-то, они ни разу не разговаривали друг с другом. Но Кендра помнила утонченную красоту этой женщины, ее золотистые волосы и чистую фарфоровую кожу, большие голубые глаза с фиалковым оттенком, расположенные под изысканно очерченными темно-коричневыми бровями. Совершенство Грейс Келли, которое отлично бы смотрелось рядом с южной привлекательностью Алека. Тогда Кендра признала, что они были ослепительной парой, пусть ей было и неприятно их видеть вместе.

То давнее раздражение сейчас пропало бесследно. Глаза леди Довер были закрыты, а ее рот немного приоткрыт, но ее нельзя было принять за спящую. Убийца нанес две неглубокие раны на правой стороне ее лица. Левую же он изрубил и разодрал так, что кожа опустилась в районе челюсти наподобие грустной улыбки. В превращенной в месиво плоти Кендра разглядела проблеск белой кости, возможно, зубов.

– Боже мой, – вздохнул герцог. Он произнес лишь эти два слова, но они были наполнены ужасом.

Кендра на мгновение замолчала, пытаясь приструнить свой собственный ужас. «Прими это, отдели главное от второстепенного и двигайся дальше». Это прием, к которому она прибегала, когда начинала свою подготовку в Куантико⁵.

– Это *не* было совершено в состоянии бешенства, – наконец произнесла Кендра. Она указала на первые две отметины. – Здесь он еще сомневался. Поверхностные раны. Как будто бы он пытался начать что-то и не мог заставить себя.

Доктор Манро смотрел на нее с любопытством.

– А левая сторона лица?

– Здесь он уже действовал более решительно. Она была жива, когда он это делал?

– Нет.

– Слава богу, – пробормотал Элдридж.

– Здесь использовалось то же оружие, кинжал, – сказал доктор Манро. – Поэтому по краям ранения такие неровные. Кинжалы отлично подходят для того, чтобы их вонзать в плоть, но плохо режут. Он, должно быть, потратил много времени, чтобы так порезать кожу. Если бы он воспользовался ножом получше, на это ушла бы пара секунд. Вместо этого, я полагаю, это длилось несколько минут, может, даже целых пять.

– Зачем подонку было это нужно? – спросил Сэм, и все, включая Бартса, посмотрели на Кендру. Такая реакция, как ей показалось, была сродни признанию.

– Часто бывает, что мужчина убивает и уродует женщину, которая попыталась положить конец отношениям. Но подобное происходит обычно в сердцах. – Она вспомнила несколько своих прошлых дел, где лица женщин были обезображены либо кулаками, либо пулями. – Он уже заколол ее в приступе ярости. Скорее всего, с лицом было так же.

Она нахмурилась, изучая шокирующие увечья.

– Это расчет. Здесь есть цель. Она уже была мертва. Он мог бы уйти. Почему он этого не сделал?

– Скажите на милость, мисс Донован, имеем ли мы дело с монстром вроде того, с которым мы сталкивались ранее? – спросил Элдридж. – Нужно ли ожидать убийства других женщин?

Кендра отвела свой взгляд от изуродованного лица и посмотрела на герцога. Она увидела страх в его глазах и поняла, о чем он. Монстр, с которым они имели дело месяц назад, был серийным убийцей.

– Нет. Нет, я так не думаю. – Она покачала головой, затем ее глаза снова обратились к леди Довер, изучая колотые раны на ее груди и жуткий порез на лице. – Здесь все... *личное*. Он выбрал ее не потому, что подходила под его тип жертвы. Она была с ним знакома. У них были отношения, но что-то его взбесило.

– У меня есть теория на этот счет... – неуверенно произнес Манро.

Кендра обернулась на него и увидела в его глазах что-то, что заставило ее желудок сжаться и вызвало мурашки. Все находилось в подвешенном состоянии, как осветительное устройство Манро. Кендра почувствовала сильное, абсолютное иррациональное желание помешать ему произнести дальнейшие слова.

Но было уже поздно.

– Леди Довер была беременна, – медленно пояснил он. – Срок был по меньшей мере три месяца. Думаю, такая новость могла взбесить убийцу.

⁵ Американский город, известный тем, что там находится сразу несколько федеральных ведомств, а также Академия ФБР.

6

Кендра, Эдридж и Сэм Келли сидели в карете герцога, снова грохочущей по улицам города и увозящей их из Ковент-Гардена. Занавески были плотно сомкнуты и отделяли их от ночи и, как она подозревала, более неприглядных вещей, скрывавшихся в темноте.

– Алек *не* был отцом ребенка леди Довер, – повторял герцог.

– Откуда вам это известно? – спросила Кендра. Ее голос звучал далеким и глухим для нее самой, как будто бы она слышала себя с другого конца длинного тоннеля. Новость о беременности леди Довер потрясла ее больше, чем она могла себе сама признать. – Мы не можем исключать эту возможность. – Она заставила себя произнести эти слова. – По времени все сходится. Он с ней встречался – он сам это признал – в этот период.

Внутри кареты горел маленький медный фонарь, в его слабом свечении она видела, что Эдридж немного нахмурился, хоть и не пытался с ней спорить.

И как он вообще мог бы? К сожалению, в эту эпоху не существовало возможности определить отцовство. Анализ крови, неточный метод, но хоть что-то, появится лишь через сто лет, а тест ДНК, само собой, еще позже.

Сэм копошился на своем сиденье. При нем было его выражение лица копа, безразличное и отрешенное.

– Если леди Довер, как мы предполагаем, активно применяла свои чары, то, вероятно, есть и другие мужчины, которые могли бы зачать этого ребенка, – заметил он.

Кендра старалась освободиться от странного чувства беспокойства, которое охватило ее. Ей нужно было *сконцентрироваться*.

– Да. Мы ищем любого, с кем леди Довер могла встречаться за последние три месяца. Как сказал доктор Манро, новость о беременности могла стать ключевой для убийцы.

По сути, это была причина номер один, по которой женщин в ее эпоху убивали. *Темная сторона двадцать первого века*.

– Мисс Донован, вы, конечно же, не верите, что мой племянник... что Алек способен на такое варварство...

– Нет. Вы меня не поняли. Сатклифф, может, и зачал ребенка леди Довер, но я и секунды не верю в то, что он убил ее. – Она видела, как Алек выходит из себя. Он мог убить, в этом она была уверена. Она слышала, что он участвовал в мобилизации сил против Наполеона, но детали были неясны. Война часто толкала людей на поступки, которые в обычной жизни они бы не совершили. Так что, может, Алек и убивал раньше, как и она убивала. Но не таким образом, как была убита леди Довер. Точно нет.

Эдридж расслабился и кивнул.

– Отлично. Тогда мы пришли к согласию.

Кендра не знала, как часто еще будет такое происходить за время расследования. Участие Алека во всем этом превращало это дело в личный вопрос. Эмоции и так уже накалились. Дальнейшие столкновения были неизбежны.

Она взглянула на Сэма.

– Мне все еще нужно побывать на месте преступления.

– Хорошо. Я отвезу вас к дому завтра утром, когда будет светло.

Кендра бросила еще один взгляд на занавески. Она не любила ждать, но понимала, что без электричества чертовски весело потратит время, пытаясь разглядеть хоть что-то. Свечи не могли заменить электрическую лампочку. Даже при свете дня что она, собственно, сможет обнаружить? Улики вроде волосков и отпечатков пальцев были здесь бесполезны без передовых лабораторий, наполненных блестящим оборудованием за счет налогоплательщиков.

Однако такова была процедура. Ее инстинкт и подготовка призывали к ее соблюдению.

– Дом под охраной? – спросила она.

Сэм пожал плечами.

– Можно и так сказать. Только пара парней заглядывали сегодня утром, а так...

– Пстойте. *Что?* – Кендра уставилась на сыщика, не веря своим ушам. – Парней. Каких еще парней?

Сэм нахмурился.

– Просто любопытных. Обычное дело. Кажется, половина Лондона побывала в доме Марров после тех убийств. Я сам не одобряю такое, – добавил он в свою защиту. – Но это не противозаконно.

Кендра от удивления схватилась за переносицу. Она что, правда застряла в эпохе, где людям – *гражданским* – разрешалось свободно разгуливать по месту преступления? *Вот это подход.*

– Моя дорогая, здесь все по-другому, – напомнил ей мягко Элдридж.

– Я в курсе, – резко ответила она и проглотила более язвительную реплику.

– Не так уж и много людей побывало за это время в доме леди Довер. – Сэм произнес эти слова тоном, который должен был сгладить напряжение. – Ее вернувшиеся слуги, обслуга из соседних домов, пара торговцев. По большей части обычный народ и мальчишки, которые слышали об убийстве.

– *Дети?* – Кендра снова еле сдержала свое удивление. – Вы же не хотите сказать, что дети ходят по месту преступления?

– Ну да. Любители кровавых историй. Но доктор Манро уже изъясил оттуда тело, так что они ничего и не увидят. Гораздо больше они узнают из листовок, если вообще умеют читать.

Листовки представляли собой огромные листы бумаги, на которых печатались главные новости дня. Даже Декларацию независимости печатали на листовке и разместили на публичной площади. В то время как в некоторых листовках и правда писали о новостях, большинство из них своими сенсационными заголовками, грязными сплетнями и криминальными сводками могли бы поразить и таблоиды двадцать первого века.

– Владения закрыты, – добавил Сэм. – У меня там парочка Чарли... гм, ночных стражей присматривают за ними.

Кендра приняла к сведению его слова, печально кивнув. Похоже, она здесь ничего не могла поделать.

– Расскажите о слугах, – сказала она. – Сколько их и кто они?

– Миссис Пирсон, как вам известно, экономка. Есть еще мистер Сэйерс. Дворецкий. Ее светлость имела повара, миссис Мэсон, двух лакеев – один из них был еще ее кучером – и двух горничных. Ее личную горничную зовут мисс Марат.

– У них есть алиби?

– Да, мы их опросили и потом проверили их алиби.

– Они не упоминали других поклонников леди Довер, кроме лорда Сатклиффа?

– Нет. Как я уже говорил, народ умеет хранить молчание, если речь идет об аристократах. Но я думаю, они правда все полагали, что их хозяйка в этот вечер ожидала его светлость. Он был частым гостем, и они все знали, что леди Довер имела на него виды. – Он остановился, затем почесал нос, посмотрев на нее. – Может, вам нужно поговорить с мисс Марат, мисс. Леди делятся же своими секретами с личными горничными?

– Полагаю, зависит от секретов.

– Может, вам удастся разузнать у нее больше, вы же в конце концов женщина.

– Хоть какой-то плюс от моего пола здесь, – пробормотала Кендра.

Элдридж улыбнулся, затем сказал Сэму:

– Мисс Донован здесь скована городскими предписаниями поведения. Не могли бы вы привезти мисс Марат завтра в мою резиденцию? Там мисс Донован будет проще ее опросить.

– Ну да. Скажите мне адрес, я все организую.

– Гросвенор-сквер, 29.

Сэм пораженно посмотрел на него.

– Вы уверены? Леди Довер тогда, получается, была вашей соседкой, сэра. Ее убили на Гросвенор-сквер, 8.

Брови Эддриджа поднялись с той же степенью удивления.

– Но это же замечательный район! Не могу поверить, чтобы на нее напали там... – Голос герцога смолк, когда он, должно быть, понял глупость своего собственного утверждения. Месяц назад он узнал, что зло свойственно не только низшим классам и неприглядным районам. Безопасность – это иллюзия.

Ему это теперь было известно. К сожалению, леди Довер узнала об этом слишком поздно.

* * *

Они высадили Сэма Келли у городского магистрата по адресу Боу-стрит, 4, недалеко от Ковент-Гардена, а затем двинулись в сторону Гросвенор-сквер. Кендру не удивило, что резиденция герцога Эддриджского была одной из самых больших в округе, она располагалась немного обособленно и представляла собой грандиозное темно-желтого цвета здание с внушительными светлыми колоннами, которые простирались на четыре этажа из пяти. Кованый балкон занимал весь второй этаж. Фасад был оштукатурен, что было модным в эту эпоху благодаря известному архитектору Джону Нэшу. Перила располагались по всему периметру крыши, сглаживая ее тенденциозность и остроконечность. Свет лился из высоких вытянутых георгианских створчатых окон. Масляная лампа висела с наружной стороны малиновой двери. Похожие лампы мерцали в виде маленьких золотистых точек у соседних домов.

Улица казалась неестественно тихой по сравнению с гамом, с которым они столкнулись ранее на более людных улицах Лондона. Единственным звуком было цоканье копыт по мостовой, а также поворот колес кареты, которая, оставив их у главного входа, уехала прочь. Из одного из соседних домов, как казалось Кендре, раздавались слабые высокие ноты клавиковод. Она представила себе дочь аристократа, послушно сидящую перед инструментом и обеспечивающую таким образом вечерний досуг своей семьи. Одному богу известно, сколько таких вечеров Кендре пришлось пережить во время приемов леди Этвуд в прошлом месяце.

Они поднялись по ступеням к передней двери, где Эддридж остановился и указал пальцем на точку.

– Особняк леди Довер располагается в той стороне квартала.

Кендра обернулась, чтобы проследовать за его движением, но обзор закрывался зелеными насаждениями. Несмотря на лунный свет, она с трудом могла различить деревья и кустарники. С таким же успехом она могла бы смотреть в бездну.

– Нам нужна карта Лондона, – сказала она.

– Конечно. И я найду нам грифельную доску и любые другие инструменты, которые вам будут нужны.

Дворецкий герцога Батлер возник из ниоткуда, как только герцог открыл дверь и они вступили в холл. Общая планировка была схожа с особняком Алека – в центре потолка с декоративным гипсом висела люстра, в заднем конце дома располагалась лестница. Однако масштабы были более впечатляющими, стиль более возвышенный. Пол был покрыт блестящим розовым и серым мрамором, а стены были оштукатурены и окрашены в белый цвет. Зеркала в позолоченных рамах делали холл еще больше.

– Добрый вечер, ваша светлость, мисс Донован. – Дворецкий сделал небольшой поклон, мягко прошелестел по мраморной плитке, чтобы взять у герцога шляпу и перчатки. – Леди Этвуд и маркиз Сатклифф наверху в гостиной.

- Отлично. Как вы доехали, Хардинг?
- Все хорошо, сэр. Не было никаких сложностей.
- А слуги уже расположились?

– Да. Леди Этвуд позаботилась обо всем, сэр. Они с миссис Дэнбери держат все под контролем. Графиня настояла на том, чтобы ее светлость остался, пока прислуга не приведет в порядок его резиденцию. Она выдала месье Антону меню и попросила, чтобы ужин подали в половину десятого. Как принято в городе, сэр.

- Ясно. Хорошо. Спасибо, Хардинг.

Кендра проводила герцога до второго этажа или скорее до первого этажа, как его принято называть в английской традиции. Гостиная, в которую они вошли, была оклеена дамасскими обоями в желтую и белую полоску, на стенах висели пасторальные пейзажи Джона Констебля. По всей комнате горели свечи, а в элегантно резном камине из белого мрамора пламя пожирало поленья. Для комфорта и удобства по комнате были расставлены два дивана, множество кресел и блестящие столики из вишневого дерева.

Леди Этвуд сидела на одном из диванов, попивая херес. Кендра заметила, что она переоделась в вечерний наряд, оливково-зеленое сатиновое платье с длинными рукавами. Вырез был квадратным, лиф украшен сатиновыми лентами и замысловатой вышивкой бисером, которая мерцала в свете свечей. Ее волосы были собраны в модный узел, закрепленный испанским гребнем, который был украшен яркими изумрудами. Алек стоял перед камином в задумчивой позе, его руки покоились в карманах, взгляд был прикован к оранжевым и золотым языкам пламени в очаге. Как и леди Этвуд, он переоделся для ужина и выглядел невероятно привлекательно с простым белым галстуком, в черном пальто и облегающих штанах. Когда они вошли, он обернулся, и Кендра заметила, что он еще и побрился.

По сравнению с ним Кендра себя чувствовала будто забрызганной грязью. Это был долгий день, черт, это был долгий год.

– Добрый вечер, моя дорогая. – Эдридж подошел к сестре и поцеловал ее в лоб. – Ты прекрасно справилась с хозяйством.

Графиня отмахнулась от комплиментов.

– Что происходит, Берти? Скажи на милость, тебе удалось снять эти нелепые обвинения с Алека?

– Алека еще не обвинили, – напомнил он ей и подошел к комоду, на котором располагался блестящий комплект декантеров и хрустальных стаканов. – Херес, мисс Донован?

– Конечно. Спасибо.

– Вы же знаете, о чем я, – продолжила леди Этвуд с досадой. – Наш племянник находится под ужасным подозрением. Это возмутительно, и его нужно развеять!

– Мы сейчас этим и занимаемся, Кейро, – мягко ответил герцог, передавая Кендре стакан с хересом.

– Что вы узнали от доктора Манро? – спросил Алек.

Эдридж в нерешительности застыл и украдкой посмотрел на свою сестру.

– Это неподходящая дискуссия для гостиной, Алек. Возможно, позже в моем кабинете...

– Чепуха! – прервала его леди Этвуд. Потом продолжила немного мягче:

– В обычной ситуации эта тема не подошла бы для дискуссии в гостиной. Но я не зеленая девушка и не безмозглая дамочка, которая может упасть в обморок или начать болтать чепуху. Мы с тобой всегда говорили друг другу все, Берти. Кажется, с ней ты можешь говорить обо всем.

Кендра напряглась, когда графиня посмотрела на нее испепеляющим взглядом.

Эдридж поднял руку в знак примирения.

– Ладно, моя дорогая. Буду говорить начистоту. – Но все же для мужества он сделал глоток из своего бокала с вином, прежде чем продолжил. – Леди Довер была заколота самым жестоким образом чем-то похожим на кинжал.

– Боже мой, – едва слышно промолвила леди Этвуд.

– Кинжал? – Алек нахмурился. – Это необычное оружие в нашу современную эпоху. Итальянские наемники известны тем, что использовали их. Семья моей матери хранит много таких у себя в венецианском палаццо.

Кендра посмотрела на него сквозь свой бокал.

– Это оружие до сих пор находится у семьи вашей матери?

– Естественно.

– Тогда вам лучше об этом не распространяться, – посоветовала она. – Вы и так уже под подозрением в деле об убийстве леди Довер. Властям необязательно знать о том, что ваша итальянская родня коллекционирует тот же вид орудия, которым была убита жертва.

– Я не ездил в Венецию, ему неоткуда у меня взяться. Что еще вы выяснили?

– По числу ранений можно сказать, что это что-то личное, – сказала Кендра. – Убийца после смерти порезал ее лицо. – Она нахмурилась, вспомнив изуродованное лицо леди Довер. Эти повреждения были каким-то знаком, не таким, какой любили оставлять серийные убийцы, вроде того монстра месяц назад, который кусал плоть своих жертв в районе груди. Но все равно этот убийца тоже хотел что-то сказать. Это что-то значило. Но *что*? – Ранения на лице не были нанесены в сердцах, – продолжила она тихо. И так как у нее в горле пересохло, она сделала еще один глоток хереса. – Но я думаю, что это было спонтанно.

Элдридж посмотрел на нее в удивлении. «Как это может быть одновременно не в сердцах и спонтанно?»

– Наш несуб, то есть убийца, – поправила себя Кендра для понимания леди Этвуд, – не планировал разрезать ее лицо таким образом. Он решил это сделать, только когда она уже умерла.

– Откуда вам это известно? – спросила графиня. – Как вы вообще можете знать, что творится в голове преступника?

– Это метод взвешивания фактов и дедукции на основе того, что нам известно, – сказала ей Кендра. – Мы знаем, что убийца использовал кинжал, который принес с собой. Это преднамеренный жест. Он либо собирался убить ее, либо хотел запугать. Но если бы он намеревался убить ее, а затем порезать лицо, почему он тогда не взял с собой нож получше? Который скорее бы подошел для этой цели?

Присутствующие замолчали, когда осознали это.

– Может, нападавший просто плохо знаком с ножами и не знал, что кинжал – это инструмент, используемый для того, чтобы закалывать жертв, а не наносить им режущие раны? – наконец произнес Элдридж.

– Возможно, – признала Кендра. Она все еще не садилась. Проведя столько времени сидя в карете, она теперь хотела двигаться, что она и делала, продолжая говорить. – Но эти ранения не были нанесены в порыве гнева. Леди Довер уже была мертва на тот момент. Чувствую, что эти увечья были каким-то высказыванием.

Леди Этвуд немного вздрогнула.

– В каком смысле?

– Не знаю. Но нам нужно это выяснить, потому что я думаю, что это ключ. Убийце точно было важно уделить этому время, рискуя, что его обнаружат. – Она прервалась, чтобы выпить еще хереса, прокручивая в голове еще несколько вариантов. – Может, он это сделал, чтобы показать свое отмщение. Око за око. Он уничтожил ее красоту так же, как она уничтожила его.

Леди Этвуд нахмурилась.

– Уничтожила его? Скажите на милость, как она могла такое сделать?

Кендра застыла, слишком поздно осознав, насколько эта тема может быть щекотливой. Глаза Алека сузились.

– Мисс Донован? – обратился он к ней, заметив, что она не торопится прервать молчание. – Я тоже хотел бы услышать ответ на этот вопрос. Что за власть была у Корделии над этим убийцей?

Она обменялась с герцогом взглядами. Эту новость невозможно было как-то красиво подать, ее было непросто сообщить.

– Леди Довер была беременна, – сказала она просто.

– Боже праведный! – ахнула леди Этвуд.

Лицо Алека побледнело от удивления.

– Простите?

– Мне очень жаль, – сказала Кендра. – Доктор Манро сказал, что плоду было где-то три месяца. Вы не знали?

– Боже мой, нет. Как вы могли подумать... нет. – Он молча смотрел на Кендру пару секунд. Потом резко развернулся, подошел к столику и выбрал тяжелый стакан. Он обошел стороной более безмятежный херес и налил себе виски. Кендра не могла его винить. Налив в стакан щедрую порцию напитка, он опрокинул его, словно это было лекарство, а затем снова наполнил стакан.

– Алек, мой мальчик... – начал неуверенно герцог.

– Она посылала мне письма, просила меня... умоляла меня встретиться с ней. Что, если она хотела рассказать мне про ребенка?

Скользкая территория, подумала Кендра.

– А что бы вы сделали?

– Боже, не знаю.

Богохульство больше всего остального говорило Кендре, насколько взволнован был Алек этой новостью. Джентльменам непозволительно было ругаться в гостиной в присутствии леди. Себя она списывала со счетов, но тут еще была его тетя.

– Наши отношения на тот момент подошли к концу, – продолжил Алек, – и я не такой дурак, чтобы поверить словам Корделии о том, что ребенок мой.

– У тебя могло и не остаться выбора, если бы она устроила скандал, заявив, что ты отец ребенка, Алек, – резко сказала леди Этвуд. – Тебе бы пришлось на ней жениться.

– Ее собственная репутация в таком случае испортилась бы, – возразил Элдридж.

– Тьфу! – На удивление, именно графиня издала этот грубый звук. – Что это в сравнении с возможностью стать маркизой и когда-нибудь и герцогиней? Мужчины ничего не понимают в том, на что готовы пойти некоторые женщины ради собственных амбиций.

Кендра подошла к окну, раздумывая над сказанным. Улица и парк внизу были окутаны непроглядной тьмой, малейший лунный свет поглощался облаками и, возможно, туманом. Она чувствовала, как влажный холодный воздух проникает сквозь щели в оконной раме. Немного вздрогнув, она повернулась и посмотрела на Алека.

– Если, как вы говорите, у леди Довер были несколько любовников, то вы, возможно, были не единственным, кому она посылала эти письма. Амбициозные женщины – и мужчины, если на то пошло, – всегда имеют не один план действий.

В голубых глазах леди Этвуд проскользнул холодный блеск.

– Вы абсолютно правы, мисс Донован. Эта бесстыжая особа не смогла охмурить моего племянника, но у нее должен был быть еще кто-то на примете. – Она хмыкнула, затем наклонила голову, чтобы получше видеть Кендру. – Завтра мы с вами нанесем утренний визит моей старой подруге – леди Сент-Джеймс. Мы с ней вместе начали одновременно выходить в свет.

– Что? – Кендра была огорошена этим нелепым выводом. – Нет, я не могу. Мистер Келли отвезет нас завтра утром на место преступления.

Графиня сердито посмотрела на нее.

– Не стройте из себя глупышку. Утренние визиты *не* совершаются утром, не раньше одиннадцати, это точно. Вы что, в Америке вообще ничего не слышали об этикете? Мы договоримся о визите на половину четвертого, так как мы с леди Сент-Джеймс связаны тесной дружбой. Думаю, к этому времени вы уже закончите с вашими делами. И у меня хватит времени, чтобы приставить к вам горничную.

Голова Кендры начала крутиться, и это было не из-за хереса.

– Мне не нужна горничная. Мне уже помогает Молли.

– Что за глупости! Вы воспитанница герцога! У вас должна быть настоящая личная горничная. Кстати, нам нужно сходить к лондонской модистке. Вам нужны новые платья.

– У меня уже есть платья. – Утренние платья, платья для прогулок, вечерние платья. Боже, да эти платья у нее уже из ушей лезли.

– Мы уже не в деревне, мисс Донован. Мы в Лондоне.

– Мы в Лондоне, чтобы расследовать убийство.

– Вы можете расследовать и все равно выглядеть модно.

Кендра начинала терять терпение. Эта женщина была не в себе.

– Мода – это последнее, что меня интересует!

– *Это* вполне очевидно...

– До половины четвертого мы вполне управимся с нашими делами, – прервал их герцог, явно заметив упрямый блеск как в глазах сестры, так и у Кендры. – Но, дорогая, почему ты настаиваешь на том, чтобы нанести визит леди Сент-Джеймс? У нас есть другие важные задачи.

Графиня одарила их самоуверенной улыбкой.

– Вам нужно знать, с кем у леди Довер были отношения? Леди Сент-Джеймс не только самая древняя из моих подруг, но еще и самая известная сплетница всего Лондона. Если отец ребенка леди Довер не Алек, то она точно скажет кто.

* * *

Внизу, в парке, съежившаяся фигура ждала, пока женщина остановится перед окном на верхнем этаже. Хоть он и знал, что она не видит его в темноте, он все равно сильнее прижался к деревьям, используя их листву как прикрытие. Он не видел ее отчетливо, может, из-за тумана, который подкрался со стороны Темзы и сделал ее черты неузнаваемыми. Ее лицо было бледной камеей, освещенное свечами вокруг. Она выглянула всего на мгновение. Затем развернулась, по-видимому, обратившись к кому-то. Она исчезла из поля зрения.

Женщина не вернулась к окну, никто другой тоже не подошел, но он все равно оставался на месте, зарываясь глубже в свое пальто, укутываясь шарфом в попытке согреться. *Наблюдая.*

7

Прошел еще один день. Впереди еще лет пятьдесят.

Может, и меньше. Какова была продолжительность жизни женщин в эту эпоху?

Кендра отказывалась думать об этом, вынырнув из большой кровати с кремового цвета балдахинном и пуховым тиковым матрасом для совершения утренних ритуалов, характерных для начала девятнадцатого века. Она справила нужду в ночной горшок, незаметно спрятанный внутри деревянного умывальника в маленьком углублении и почистила зубы с помощью зубного порошка (смесь соды, мела и соли), любезно подготовленного миссис Тобин, которая заведовала кладовкой в замке Элдридж. Кендра сняла ночную рубашку и облеклась в нижнее белье, простую рубашку и корсет, затем начала свой собственный утренний ритуал: прогибы, растяжка и скручивания в любимых позах йоги.

– Доброе утро, мисс.

Кендра обернулась в боковой стойке на локтях – Молли. Молодая служанка, твини, как их называли в эту эпоху, зашла в комнату с тележкой, нагруженной кофейником, сахарницей, чашкой и соусником. Помогая другим слугам с их обязанностями, Молли превратилась еще, по сути, в личную горничную Кендры, так как женщине в эти времена было почти невозможно одеться самой без чьей-либо помощи.

– Думала, вы уже проснулись и делаете... ну то, что вы делаете обычно. – Молли больше завороченно не наблюдала за тем, как Кендра совершает свою утреннюю зарядку. Она привыкла к тому, что, как считала, было странностями Кендры. Похоже, она думала, что каждый американец перед завтраком совершает нечто подобное.

Кендра с удивлением замечала, как странное со временем становится чем-то привычным. *Как, например, ночной горшок.* Она уже больше даже и не задумывалась над этой деталью. И это больше всего и пугало ее.

«Просто не думай об этом».

Молли налила кофе в чашку, бросив туда же кусок сахара, и поднесла напиток Кендре, которая как раз уже вскочила на ноги.

– Какой же Лондон огромный, да, мисс? Ничего подобного не видела. Никогда не ездила никуда дальше замка Элдридж. Так интересно! Ой... – Ее бледное веснушчатое лицо сморщилось от внезапного ужаса. – Конечно, то, что произошло с его светлостью, ужасно. Не обращайтесь внимания. Я несу какую-то чушь, как говорит моя мама.

– Естественно, что тебе нравится в новом месте, Молли. – Кендра улыбнулась твини, когда та принялась суесться у кровати, расправляя простыни и взбивая подушки.

– Ну да, мисс. – Молли подошла к огромному шкафу и стала рассматривать там платья. Она украдкой посмотрела на Кендру. – Миссис Дэнбери считает, что графиня наймет вам подходящую служанку.

– Ты мне вполне подойдешь.

Это, возможно, не было таким уж комплиментом, учитывая, что все в замке считали ее ненормальной. Но Молли радостно улыбнулась ей, после чего вытащила зеленое платье из хлопкового муслина и положила его на кровать. Она вышла из спальни и вернулась спустя десять минут с кувшином воды, пахнущей лавандой, и миской с лимонными дольками.

Вчера вечером слуги принесли медную ванну и ведра с горячей водой, чтобы она помылась. Сегодня утром Кендра довольствовалась простым обтиранием губкой, смачиваемой в фарфоровой миске, в которую Молли вылила душистую воду. Она старалась не вспоминать быстрый душ по утрам, которым она баловала себя в двадцать первом веке перед работой. Она старалась не вспоминать и о сотне разных удобных дезодорантов, доступных в магазинах будущего.

Пока она вытирала подмышки дольками лимона, используемого как натуральный дезодорант, она представляла себе, что сказала бы Молли, если бы вошла в магазин и увидела там целые полки с внушительным числом дезодорантов различных брендов, которые должны были избавить от вони, потливости, порчи одежды. Для мужчин, для женщин, даже для подростков, как будто бы пот шестнадцатилетних биологически чем-то отличался от пота двадцатипятилетних. Произведет ли это чарующее впечатление на Молли? Или же она решит, что самый большой страх для двадцать первого века – это неприятные запахи?

– Чего? – спросила Молли.

Только тогда Кендра поняла, что засмеялась вслух. Она покачала головой.

– Ничего. Я просто думала о том, как сильно моя жизнь изменилась с тех пор, как я приехала в Англию.

– О, я бы с радостью послушала об Америке. Это так далеко.

Кендра улыбнулась, надевая платье, которое выбрала горничная.

– Далеко.

После того как Молли ее застегнула, Кендра села перед трюмо с зеркалом. Спустя пятнадцать минут твини умудрилась собрать темные волосы Кендры во что-то вроде шиньона, закрепленного серебряными гребнями и длинными шпильками.

Кендра вышла из спальни. В холле пара служанок уже подметала ковер крепкими метелками и натирала столики пчелиным воском, от которого исходил слабый запах меда. Они сделали ей быстрые книксены, что удивило Кендру. Затем она поняла, что они, скорее всего, уже слышали, что она стала воспитанницей герцога, изменение статуса, которое влекло за собой изменение их отношения, по крайней мере внешне. При взгляде на их осторожные, ничего не выражающие лица Кендра почувствовала, что их поведение, должно быть, не соответствует мыслям. Слуги в больших домах вроде дома герцога были известны своим снобизмом.

Она обнаружила герцога и Сэма Келли в столовой, они уже почти закончили свой английский завтрак, который был подан на буфетной стойке.

– Доброе утро, мисс Донован, – поприветствовал ее Элдридж. – Надеюсь, вы хорошо спали.

– Да, спасибо. Вырубилась сразу. – Только тогда она заметила недоумевающий взгляд Сэма и поняла, что это выражение не имело никакого смысла в век без электричества.

Элдриджа это явно забавляло.

– Хм. Да, в самом деле. Как бы то ни было, мистер Келли сообщил, что служанка леди Довер мисс Марат согласилась встретиться с нами сегодня утром.

– Да. Она будет здесь в одиннадцать.

– Хорошо. – Кендра положила себе на тарелку яйца, сосиску и тушеные помидоры, налила себе чашку чая, добавила сахар и отнесла к столу.

– Я приказал принести грифельную доску и письменные принадлежности в мой кабинет. – Герцог поднял свою чашку и наблюдал за ними из-за ее края. – Мы будем использовать эту комнату для обсуждений деликатных тем. Очень важно, чтобы мы закончили расследование быстро. – Он сделал паузу, затем добавил:

– Я слышал, что палата лордов будет скоро созвана для решения судьбы моего племянника.

Кендра удивленно посмотрела на него, жуя яйца.

– Откуда вам это известно?

– Хотя я не заседаю в парламенте, но все же являюсь членом палаты лордов, мисс Донован. И у меня есть связи.

– Само собой. – Такой богатый и влиятельный человек, как герцог Элдриджский, конечно, имел связи. – Когда это произойдет?

– А что касается даты... Я не знаю. Пока что ведутся обсуждения. Скорее всего, недели через две.

Две недели. Или, как сказали бы скорее в ее время, четырнадцать дней.

– Хорошо. – Кендра надкусила пару раз сосиску, после чего отодвинула от себя тарелку. – Поехали на место преступления.

* * *

До резиденции леди Довер, которая находилась по другую сторону площади, они решили пойти пешком. Она имела скорее овальную форму, и в центре ее располагался парк площадью в три сотни акров. «Парк» было не совсем правильное название для него. Оно предполагает наличие тщательно стриженных газонов, опрятных кустарников и деревьев. Через черную решетку Кендра же увидела какие-то дебри с несколькими дорожками для наездников и пешеходов. В какой-то момент ей показалось, что она почувствовала движение где-то в густой растительности, у нее мурашки побежали по коже от ощущения того, что за ней наблюдают. Однако она не поняла, были ли это глаза человека или животного.

Она перевела свой взгляд на дома вокруг. Резиденции представляли собой смешение особняков вроде такого, как у герцога, и стандартных домиков, которые выглядели по большей части как элегантные дома из песчаника.

– Вы говорили, что вы опрашивали тут всех. Соседи не слышали ничего? – спросила Кендра Сэма, осматривая окружающие их здания. Большинство окон были все еще занавешены. Девять утра для английской аристократии было невероятно ранним временем. Но пока они все еще спали, слуги их уже давно были на ногах, делая все приготовления перед началом нового дня.

– Судя по ранам на ее руках, – размышляла она, – леди Довер пыталась дать отпор. Я думаю, она могла кричать.

Сэм пожал плечами.

– Они слышали только крики миссис Пирсон.

– И никто не видел посетителя леди Довер?

– Нет.

Через десять минут они прогулочным шагом обошли парк с другой стороны. Кендре не нужно было видеть адрес, чтобы понять, в каком доме жила леди Довер. Она заметила двух мужчин, оживленно беседующих друг с другом на парадной лестнице особняка.

– Все в порядке? – крикнул им Сэм, когда они уже подходили к ним. Ночные стражи судорожно обернулись. Даже на расстоянии Кендра читала тревогу на их лицах, ее живот напрягся. *Что-то не так...*

– А... хмм, шеф... в общем, мы патрулировали территорию, как вы нам и сказали, – начал мужчина повыше.

– Да. Не отлучались ни на секунду, – продолжил другой страж.

– Но понимаете, ну...

Сэм нахмурился и гаркнул на них:

– Говори уже!

– Мы вошли, просто чтобы осмотреться, правда... и, ах... все вверх дном, – сказал высокий страж.

Сэм уставился на него.

– В смысле?

– Все вынесли, сэр, – уточнил второй страж. – Дверь была заперта, но умный вор все равно как-то проник.

– *Что?* – Лицо Сэма побагровело. – Вы чертовы тупицы! Матерь божья, дал вам один чертов приказ. Всего *один!* Следить за домом. *Следить за этим чертовым домом!* – Его голос раздавался эхом по всей улице. Кендра никогда не видела сыщика в таком гневе.

– Мы так и делали, шеф! Бог свидетель, – сказал высокий страж. – Мы патрулировали территорию, как вы нам и говорили. Следили за домом. Было все тихо, клянусь. Мы ничего не видели.

– Черт побери! – Сэм плюнул на пешеходную дорожку, затем с болью посмотрел на Кендру. – Прошу прощения, мисс. – Он повернулся к ночным стражам. – Пошлите команду, чтобы проверить притоны и труппы, посмотрим, получится ли у нас выйти на воров, которые это сделали. Такое дело, такой квартал, кто-то точно будет болтать.

– Да, сэр!

Они оба поспешили по дорожке, явно радуясь тому, что убегают от угрожающего взгляда Сэма.

Кендра покачала головой в недоверии.

– Часто ли здесь грабят места преступления?

Сэм шаркал ногами с растерянным видом.

– Я бы не сказал, что часто, нет. Но такое случалось. Поэтому я и приказал запереть дом и следить за ним, чтобы *не произошло* чертова ограбления. – Он сжал губы, как будто пытаясь сдержать в себе поток ругательств, которые ему хотелось извергнуть. Затем он с гневом выдохнул. – Ну да. Ничего уже не поделаешь теперь, пойдемте посмотрим на масштаб трагедии.

Они поднялись по лестнице. Ночные стражи не заперли дверь снова, так что она легко открылась. Утренние лучи солнца проникали в холл, отделанный черно-белой плиткой.

– Здесь раньше были серебряные подсвечники, – показал Сэм, его голос опять звучал подавленно. Тяжелой походкой он пошел по узкому холлу. Кендра и герцог тихо последовали за ним наверх в гостиную. На первый взгляд все казалось нетронутым, мебель не перевернута, казалось, что нигде не рылись. Затем Кендра осознала, что на всех поверхностях отсутствовали декоративные украшения.

– Черт возьми! – Сэм ринулся через всю комнату к пустому столу, где уперся руками в бока. – Эти мерзавцы украли даже чертов бокал!

– Бокал? – повторила Кендра.

– Стакан. Он пах виски. Думаю, она налила его убийце. Мы нашли его под диваном вместе с веером и украшенным драгоценностями гребнем, вроде тех, что женщины носят в волосах.

Они повернулись к тому самому дивану. Кендра разглядела темные пятна на подушках. Не так уж много крови, правда, учитывая количество ножевых ранений леди Довер. Но Кендра вспомнила слова доктора Манро о том, что кинжал наносит большую часть ущерба внутренним органам.

– Она была красивой женщиной, – тихо проговорил герцог. Кендра оглянулась и увидела, как он внимательно изучает огромный портрет леди Довер над камином.

– Да, – коротко согласилась она. Художнику не пришлось прибегать к своим умениям для лести заказчику, как делало большинство портретистов этого времени, имитируя что-то вроде фотошопа образца девятнадцатого века. Женщины, которые выглядели как леди Довер, не нуждались в ретуши.

– Я ее, по сути, не знал. Когда мы встречались в свете время от времени, она была всегда весела и мила. То, что с ней сделали... – Эддридж покачал головой, вспоминая тот ужас, который открылся их взгляду, когда доктор Манро поднял покров.

Кендра промолчала. Вместо ответа она снова повернулась и принялась изучать комнату снова, пытаясь представить себе, как все выглядело в ту ночь. В камине, должно быть, горел

огонь, свечи были зажжены. В двадцать первом веке это были бы необходимые составляющие романтического вечера. Здесь же это было совершенно обычно.

Но этот вечер не был похож на другие.

– Хорошо, давайте предположим, что убийца вошел через парадную дверь. Он мог бы убить леди Довер сразу же в холле, – произнесла она медленно. – Они были одни. Она, очевидно, открыла дверь, так как выпроводила всех своих слуг. Но он не напал тогда. Он ожидал благоприятного момента, проследовал за ней по лестнице в эту комнату.

– Это заняло не так много времени. Минуты две, – прикинул Сэм.

– Две минуты могут длиться вечность, если на уме у вас убийство. О чем нам это говорит?

– Леди Довер не видела в нем угрозу, – ответил Эдридж.

Кендра кивнула.

– Он не сделал ничего подозрительного, ничего, что вселило бы в нее страх. Он не был в бешенстве. Или хорошо его скрывал.

– Или, как мы предположили вчера вечером, она чувствовала себя способной усмирить его гнев. – Герцог снова перевел взгляд на портрет.

– Да, но дело в том, что убийца не сразу вытащил кинжал и заколол ее. Гнев, который овладел им в момент убийства, отсутствовал, пока они поднимались вверх. – Кендра посмотрела на Сэма. – Был только один стакан виски?

– Да.

– Интересно, она налила его себе или ему? – Это был риторический вопрос, но Сэм все равно ответил.

– Полагаю, ему. – Он поймал ее взгляд и пожал плечами. – Леди обычно виски не пьют.

– Хм. – Кендра решила оставить без внимания этот предрассудок. – Для кого бы ни был этот напиток, леди Довер, должно быть, держала его в руке, когда он напал на нее.

Сэм поднял брови от удивления.

– Откуда вам это известно?

– Потому что у убийцы руки должны были быть свободны. Его оружие, скорее всего, было спрятано где-то на нем. – Кендра встала перед запачканным кровью диваном, представляя себе, как леди Довер смотрела на убийцу. Держа в одной руке стакан, а в другой веер. – Если напиток был ее, она могла и сидеть. Если она сделала его для него, то она вполне могла стоять, предлагая ему стакан. Убийце нужно было достать кинжал. Затем он подошел ближе, занося руку с оружием...

Кендра производила счет, проделывая все эти движения. Засовывая руку в карман – «Один», – вытаскивая воображаемый нож – «Два», – делая выпад в сторону дивана и поднимая кулак – «Три», – опуская руку в стремительном движении – «Четыре».

Она выпрямилась, смотря на герцога и Сэма.

– Если убийца держал в руке стакан, ему пришлось бы его поставить, скорее всего, на вот этот столик. И он бы не упал тогда под диван.

– Да. – Эдридж кивнул. – Да, прекрасный вывод, моя дорогая.

Кендра сменила положение, расположившись там, где была леди Довер во время нападения.

– Большинство ранений леди Довер было на левой стороне, но были и фронтальные раны. Она смотрела лицом на убийцу. Держа в руке напиток. Допустим, она стояла... – Кендра сделала вид, будто держит стакан. – Он вытащил нож. – Она раскрыла свою руку и поднесла руки к лицу, будто пытаясь отразить удар. – Она уронила стакан и попыталась защититься, защитить свое лицо. О нем она беспокоилась больше всего. К сожалению, таким образом ее грудь оказалась открыта для удара. Доктор Манро сказал, что убийце потребовалось всего пара секунд. К тому моменту как она рухнула на диван, он уже нанес несколько ножевых ранений.

– Боже. – Взгляд Сэма наполнился ужасом, он представил себе эту сцену со всей четкостью.

– Когда он подошел к ней, то, возможно, ударил ногой о стакан, и он закатился под диван. Или же она сама это сделала.

– Веер и ее украшения для волос тоже, должно быть, упали на пол во время нападения, – добавил сыщик.

Кендра вынуждена была остановиться, чтобы освободиться от темных картин в голове. Она обошла комнату, затем снова вернулась к дивану.

– Насколько я могу судить, брызги крови есть только на диване. Что лишний раз подтверждает, что у нее не было возможности убежать или спрятаться где-то. Даже когда она упала, он продолжал наносить ей ранения в состоянии исступления из-за прилива адреналина и ярости. Когда все было окончено, его, скорее всего, трясло от такого количества адреналина.

– Но он все же потратил время на то, чтобы изуродовать ей лицо, – заметил Элдридж. Взгляд Кендры был задумчив.

– Да. Это означает, что он успокоился и только потом обезобразил ее.

– Бесчувственный ублюдок, – пробормотал Сэм.

– И да и нет. – Кендра подумала и покачала головой. – Это ненормально. Гнев, который подтолкнул его к нападению, был ярко выраженным. Но то, что он сотворил с ее лицом... Так разделать человеческое лицо не так-то просто. Поэтому на правой стороне есть эти два разреза – тут он сомневался. После этих двух попыток он смог совладать с собой и осуществить задуманное. Но опять же прошло определенное время.

Сэм нахмурился.

– Но зачем, мисс? Зачем ему нужно было продолжать свои попытки?

Кендра вспомнила, что Сэм не присутствовал во время их вчерашнего обсуждения.

– Не знаю. Это может быть что-то вроде возмездия, формы оскорбления. Она ценила свою красоту, поэтому убийца хотел ее изуродовать. Это нам еще предстоит выяснить.

Кендра осмотрелась, стараясь не думать о всех микроскопических доказательствах, которые она не могла здесь собрать. Но даже если бы у нее была возможность это сделать и затем проанализировать материал, место преступления уже было скомпрометировано – они позволили чертовым гражданским проникнуть сюда, как будто это какая-то выставка. Не говоря уже об этих грабителях.

– Хорошо, я здесь закончила, – сказала она. – Давайте посмотрим на остальную часть дома.

* * *

Кендра, в частности, хотела осмотреть спальню леди Довер. Это самая личная комната, и там вполне можно было обнаружить лучшие доказательства, вроде подарка от какого-нибудь любовника, дневника, который она вела, или писем, которые могла хранить.

В каждом столетии, каждом десятилетии люди как-то документировали свое существование. В двадцать первом веке документ превратился в нечто фигуративное, но принцип никуда не ушел. Об этом свидетельствовали «Твиттер», «Инстаграм», «Фейсбук». Черт, «Фейсбук» в ее время был настоящим эквивалентом дневника, люди выливали в соцсеть все свои мысли и желания, светлые и темные, для публичного потребления. Это цифровые улики, которые люди оставляли после себя, чтобы следователи вроде нее могли в них порыться.

Сколько раз она собирала доказательства вины убийц, которые начинали разрабатывать свой план с помощью гугла? Посещали сайты в поисках инструкций для осуществления преступления или для его сокрытия? Для того чтобы приподнять занавес, ей нужно было только время и ресурсы.

К сожалению, здесь, в спальне леди Довер, все занавесы уже были подняты. Воры добрались и сюда, все безделушки выкрали. Ни расчесок, ни щеток, ни коробочек с драгоценностями. Никакой малейшей чертовой улики не осталось. Если у леди Довер и были какие-то письма, перевязанные ленточкой, или дневник, в котором она делилась своими мыслями, их тоже не оставили.

Но все же здесь можно было что-то почерпнуть. Как и гостиная, спальня была оформлена очень женственно. Леди Довер отдавала предпочтение пастельным тонам, потому что, как догадывалась Кендра, они подчеркивали ее красоту. Она была бриллиантом, а это было ее оправой.

– Тут орудовали профессионалы, эти грабители. – В голосе Сэма звучало отвращение, когда они выходили из спальни. – Новички бы тут все перевернули, устроили бы настоящий бардак. Взяли бы в придачу еще что-то, вроде платков ее светлости.

Кендра как раз изучала платья, висевшие на крючках в огромном шкафу, и тут она засмеялась.

– Точно. Полагаю, есть особая банда, специализирующаяся на платках?

Сыщик странно посмотрел на нее.

– Ну да, мисс. У нас тут полно своих Билли Базманов.

Она переспросила:

– Билли Базманов?

– Карманников, которые воруют исключительно шелковые платки, – пояснил герцог.

– Мы накрыли кучу притонов, которые жили припеваючи, продавая похищенные носовые платки. Мы даже поймали владелицу магазина, в котором была секретная комната, набитая ими. Она удаляла с шелковой ткани отметки с именами владельцев и затем продавала платки в своем магазине на первом этаже. Ловко, если так подумать.

Кендра замолчала, переваривая эту информацию и ощущая при этом одновременно замешательство, изумление и, наконец, смирение. Она вспомнила, что читала статью, рассказывающую о том, как человеческие волосы превратились в прибыльный объект для грабителей, нападающих на витрины магазинов Атланты и Чикаго. Если в ее эпоху были распространены кражи волос, то почему тогда в эту эпоху не могли воровать платки?

Она отогнала от себя эти мысли и сказала:

– Я хочу посмотреть черный ход.

Черный ход был в дальнем конце длинного коридора, рассеивало тени там лишь одно маленькое окно. Кендра откинула дверной засов и оказалась на заднем дворе. По другую сторону от мощеной улицы располагались конюшни. Даже сейчас Кендра слышала движение лошадей и чувствовала запах сена и навоза. Она взглянула на комнаты, находившиеся над конюшнями, где спали конюхи и их подручные. Через следующие два столетия этих лошадей здесь уже не будет, а здания превратятся в элитные жилища для богатых горожан. Высшее общество будет жить в конюшнях – что бы Сэм на это сказал?

– Миссис Пирсон говорила, что дверь была открыта, – напомнил им Сэм.

– Зачем приходите через переднюю дверь и выходите через заднюю? – недоумевала Кендра.

Герцог посмотрел на переулок.

– Здесь определенно спокойнее.

– Ну да. Может, кто-то был на улице, когда наш преступник уходил.

– Возможно, – согласилась Кендра. – Убийца, должно быть, хорошо ориентировался в особняке леди Довер, раз вышел через заднюю дверь.

Элдридж покачал головой.

– Необязательно. Большинство имений и домов в этом районе имеют одну и ту же схему расположения комнат. В каждом доме есть вход для прислуги. Этому негодяю не нужно было обладать богатой фантазией, чтобы догадаться о существовании этой двери.

Они зашли обратно в дом, Сэм закрыл засов. «Уже немного поздно», – подумала цинично Кендра, но не произнесла этого вслух.

Они подходили к холлу, когда передняя дверь открылась и вошел мужчина. Какую-то долю секунды они смотрели друг на друга, замерев. Незнакомец заговорил первым.

– Вы кто такие, черт возьми? – спросил он, поднимая свою трость с головой льва как оружие перед собой.

– Это кто *вы* такой? – резко возразил Сэм, придвигаясь ближе к незнакомцу. – Зачем вы пришли в резиденцию леди Довер?

– Это *моя* резиденция. – Мужчина выпрямился. Он был невысокого роста, но все же выше сыщика. Если бы он даже не был выше, Кендре казалось, что он все равно смотрел бы свысока на Сэма. Все в его манере держаться об этом говорило.

– Я лорд Довер, – ответил мужчина. – Теперь я настаиваю на том, чтобы вы сказали, кто вы такие, пока я не вызвал полицию и вас не арестовали за проникновение в мой дом.

8

Лорд Довер смотрел на них холодными голубыми глазами. У него было худошавое лицо, которое напоминало Кендре морду грейхаунда, его губы были такими тонкими, что их почти что не было видно, казалось, что он не улыбался по меньшей мере лет десять. Его волосы были теплого светлого оттенка. Кендра подумала, что он принадлежал к типу мужчин, которые рано лысели, хотя доказательств этому она не видела из-за черного цилиндра с закрученными краями – стильный аксессуар в эту эпоху и инструмент для шоу магов в ее время.

Сэм нахмурился.

– Я думал, лорд Довер мертв.

– Не говорите чушь. Я лорд Довер. И это моя собственность. Вы незаконно сюда проникли, – ответил мужчина.

– Я, кажется, припоминаю, что у лорда Довера был сын от первого брака. – Элдридж посмотрел на мужчину. – Вы пасынок леди Довер? Не помню вашего имени, сэр.

– Почему я должен вам отвечать? Кто вы вообще такие?

Сэм продемонстрировал свою дубинку с золотым наконечником.

– Меня зовут Сэм Келли, я сыщик с Боу-стрит, расследую убийство вашей мачехи. Вы же в курсе, что ее убили?

– Конечно. – На него, по всей видимости, не произвело впечатления представление Сэма, он едва удостоил его взглядом. – В моем клубе только об этом и говорят. – Его губы скривились. – Корделия всегда умела давать пищу для сплетен.

Кендра не поняла, звучала ли в его голосе ирония или раздражение. Очевидно, особенной любви лорд Довер к своей мачехе не испытывал.

– Вы, кажется, не очень расстроены смертью своей мачехи.

Он удивился, что она обратилась к нему.

– Что бы ни чувствовал, это вас не касается, мадам.

– Когда вы в последний раз говорили с леди Довер? – спросила она, не обращая внимания на его тон.

– Кто...

– Я герцог Элдриджский, – прервал его Элдридж, его тон тоже становился властным, – а это моя воспитанница мисс Донован.

Мужчина отреагировал сразу же, его плечи расправились, он опустил свою трость. Враждебность уступила место замешательству.

– Не понимаю, ваша светлость. Что вы здесь делаете?

– Как и сказал мистер Келли, мы расследуем убийство вашей мачехи.

– Ее убили наверху, – добавила Кендра.

– Я осведомлен об этом... но... – Лорд Довер покачал головой. Затем в его морозно-голубых глазах появилась искра понимания. – А. Я слышал, что лорд Сатклифф проходит обвиняемым по делу убийства моей мачехи. Он же ваш племянник?

– Да. И, само собой, он не убивал леди Довер.

Лорд Довер открыл было рот, будто бы желая поспорить с этим утверждением. Но, по-видимому, передумал и сжал свои тонкие губы, не вымолвив ни слова.

– Так когда вы в последний раз видели свою мачеху? – снова спросила Кендра.

– Что? Ох. – Он растерянно посмотрел на нее. – Я не уверен... На балу у леди Грей на прошлой неделе. Или в Гайд-парке? Я забыл. Корделия любила находиться в центре внимания. Она посещала много мероприятий.

– Смеею предположить, что вы не были близки?

– Нет.

– То есть вы не знаете, с кем она могла встречаться?

Он обратил на нее все свое внимание. Его губы снова искривились, он покосился в сторону герцога.

– Вы имеете в виду, кроме лорда Сатклиффа?

– Да. Был ли кто-то, кто хотел бы ее смерти?

– Да любой, кого она спровоцировала, мне кажется.

– Вы говорите так, будто она часто провоцировала людей.

Он пожал плечами.

– Мой отец был ослеплен красотой Корделии, но я видел в этой особе то, чем она на самом деле являлась, – поганку. У нее не было ни родословной, ни наследства. Ей нечем было похвастать, кроме своей смазливой внешности, которую она умело использовала, чтобы соблазнить старика, который все еще оплакивал свою покойную жену. Думаю, мой отец лишь на смертном одре понял, какую ошибку совершил, поддавшись сиюминутному желанию.

– Вам, должно быть, было сложно наблюдать за тем, как незнакомка обманывала вашего отца.

– Мне это казалось... пошлым.

– Представляю. – Кендра кивнула, затем посмотрела ему прямо в глаза. – Где вы были в понедельник вечером между восьмью и одиннадцатью часами, лорд Довер?

Он нахмурился.

– Что это... – Он онемел от такого оскорбления. – Боже мой, неужели вы думаете?.. Я не *убивал* ее!

– Тогда вы можете без труда сказать нам, где вы были в это время, милорд, – вмешался Сэм.

Лорд Довер с ненавистью посмотрел на сыщика.

– У меня это и *не вызывает* труда. Мне это кажется оскорбительным.

– Преодолейте себя, – посоветовала Кендра.

Лорд Довер бросил на нее испепеляющий взгляд, затем посмотрел на герцога и, казалось, проглотил гневное замечание, которое чуть было не сорвалось с его губ.

– Я всю ночь провел в своем клубе, – нехотя произнес он.

– Всю ночь, с восьми до одиннадцати? – спросила Кендра.

– Не говорите чепуху. Я ушел около десяти или половины одиннадцатого. Я не помню точное время.

– Как называется ваш клуб, сэр? – поинтересовался Сэм.

– «Вайтс».

– А где вы живете? – задала Кендра следующий вопрос.

– В начале Брук-стрит.

– А ваш точный адрес, сэр? – уточнил Сэм.

Рот лорда Довера искривился, но он все равно ответил:

– Дом номер 52.

– Во сколько вы пришли домой? – спросила Кендра.

– Не знаю. Думаю, в одиннадцать.

Сэм нацепил свое лицо копа.

– А как вы добирались?

– Окликнул экипаж.

– Извозчик может это подтвердить? – продолжал сыщик.

Лорд Довер фыркнул.

– Если вы найдете его, полагаю, что да. Я обычно не знакомлюсь с извозчиками!

– Но он довез вас до дома? – не унималась Кендра.

Он озадаченно посмотрел на нее.

– Ну конечно. А куда еще?

Кендра не обратила внимания на этот вопрос, вместо этого задала сама еще один:

– Ваши слуги могут подтвердить, что вы вернулись в одиннадцать?

– Предполагаю, что да. – Казалось, его терпению пришел конец, он резко отвернулся от Кендры и Сэма и посмотрел на герцога. – Сэр, я надеюсь, что этот необычный допрос не призван увести подозрение от вашего племянника.

Элдридж напрягся.

– Конечно же, нет. Он призван восстановить справедливость. Я полагаю, вы хотите справедливости?

– Если честно, не могу сказать, что меня это вообще заботит. Понимаю, вас это шокирует, ваша светлость, но поведение Корделии было развязным, это позор для доброго имени моей семьи. – Голос лорда Довера был таким же холодным, как и его глаза. – Мы с ней старались не пересекаться, и пока еще отец был жив, и после его смерти. Если я не убил эту мерзкую женщину, пока она еще была замужем за моим отцом, какого черта мне это делать сейчас?

– Может, потому, что ваша мачеха была беременна, – напрямую сообщила ему Кендра и внимательно проследила за его реакцией. Его глаза округлились, он, казалось, был шокирован. Это длилось всего секунду. Затем его лицо снова напряглось от отвращения.

– Я не знал о ее... положении.

Кендра подождала. Видя, что он замолчал, она спросила сама:

– У вас нет предположений, кто бы мог быть отцом ребенка?

Довер язвительно посмотрел на Элдриджа.

– Не буду заниматься домыслами, но это не предвещает ничего хорошего вашему племяннику, ваша светлость.

– Если позволите, зачем вы сегодня пришли сюда? – поинтересовался Сэм, снова обращая внимание лорда Довера на себя.

– Потому что этот особняк принадлежал моему отцу, а теперь он мой. Мне нужно провести его осмотр.

После этого заявления Сэм нервно дернулся. Он почесал свой нос и произнес:

– Ах, что касается... Мне жаль, но прошлой ночью сюда ворвались вору. Эти разбойники украли все серебро, драгоценности и ряд личных вещей.

– Проклятие! – Выдержка лорда Довера на секунду покинула его. Он дико посмотрел по сторонам, как будто бы вору все еще скрывались где-то в темных уголках холла. Затем он повернулся и резко двинулся на Сэма, выпячивая свою трость и тыча ей в грудь сыщика. – Какие вы предпринимаете шаги? Украденные вещи – фамильные ценности! Ценности *моей* семьи. Их нужно вернуть!

– Вас, кажется, больше волнует, что вору взяли отсюда пару вещей, чем убийство вашей мачехи, – с сарказмом заметила Кендра.

Он обернулся и гневно уставился на нее.

– Я же сказал вам, я не убивал Корделию. Я не верю, что какой-то джентльмен из высшего общества – убийца, вне зависимости от того, что болтают. Вам нужно искать убийцу в кабаках.

Кендра подняла брови.

– Почему? Потому что джентльмены *никогда* не совершают преступлений?

Глаза лорда Довера сузились.

– Нет. Потому что я полагаю, что Корделия была частью подпольного криминального мира. И я думаю, что ее грязное прошлое наконец настигло ее.

Элдридж нахмурился.

– Это смелое заявление, сэр.

– Я не шучу, ваша светлость. Я же говорил, что у Корделии нет родословной. Она утверждала, что родом из Корнуолла, дочка бедного викария, Корделия Стюарт. Но я проверил это,

после того как отец на ней женился. Не то чтобы он прислушивался к моим словам. – Тонкие губы лорда Довера с горечью сжались. – Ее рассказы – полный вздор. Никакой Корделии Стюарт никогда не было в Корнуолле. Корделии Стюарт не существовало, пока мой отец не сделал ее графиней.

9

– Итак, леди Довер – это не леди Довер, – медленно заметил Сэм, пока они возвращались пешком до дома герцога.

Площадь вокруг них начинала оживать. Двое джентльменов верхом проезжали в противоположном направлении. Пока Кендра наблюдала за ними, одна из лошадей подняла свой хвост и навалила кучу экскрементов. Возможно, отчасти поэтому в городе стоял едва заметный запах навоза, несмотря на целую армию дворников, которые работали на своих двоих без остановки и убирали все подобные испражнения. На втором этаже соседнего особняка она заметила бледное лицо лакея, который открывал сложенные деревянные ставни на высоком узком окне. Быстрое движение, которое она подметила краем глаза, заставило ее повернуться в сторону плотных зеленых насаждений парка. Белка или кролик, может. Но все же она не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают.

– Нет, – наконец произнесла она. – Она была леди Довер. Мы только не знаем, кем она была *до* того, как стала леди Довер.

– Звучит чертовски подозрительно, по мне. Зачем ей вот так менять свою личность?

Кендра заметила взгляд герцога. Она знала, что они оба вспомнили, как он вчера утром изобрел для нее прошлое, которого не существовало.

– Может, она хотела лучшей жизни.

Сыщик нахмурился.

– Что ж, она ее получила. Наверняка не все были рады тому, что она перепрыгнула ступеньки на социальной лестнице. Может, его светлость прав. Может, кто-то из ее прошлого узнал о ней и убил ее.

– Это возможно, но кажется, что ситуация могла быть ровно противоположной – это леди Довер не хотела бы, чтобы о ее прошлом что-то узнали, – возразила Кендра. – Как долго леди Довер была графиней? Леди Ребекка говорила мне, что овдовела она пять лет назад.

– Не знаю точно, – признался Элдридж. – Надо спросить у Алека.

– Вы говорили, что это преступление – что-то личное, мисс. Если леди Довер бросила какого-то своего возлюбленного, чтобы выйти замуж за графа... это вполне могло быть личным. Могло кого-то и разозлить.

– Если убийца кто-то из ее прошлого, то он слишком долго ждал. Событие, спровоцировавшее нападение, произошло недавно.

– Англия – большая страна, мисс. Может, тот парень только сейчас ее нашел, – предположил Сэм.

Он был прав. Кендра вспомнила, что Молли, например, раньше не бывала нигде за пределами замка Элдридж. Конечно, твини было всего пятнадцать, но Кендре представлялось, что такая ситуация была нормой для большей части населения страны, особенно для представителей низших сословий. Их свобода передвижения была ограничена радиусом в пять миль от города, где они родились.

Если только это не кто-то вроде леди Довер, кто смотрит на Лондон как на город возможностей, место, кишашее иммигрантами и чужаками, где можно, обладая такой красотой, начать новую жизнь.

– Тут нужно учитывать еще кое-что, – сказала она, когда они подошли к лестнице, ведущей в имение герцога. – Это лорд Довер заставил нас сомневаться в прошлом своей мачехи. И я не думаю, что он ей симпатизировал.

– Между ними точно не было никакой симпатии, – согласился Сэм. – Я наведаюсь сегодня днем в его клуб и проверю алиби. – Он сделал паузу и посмотрел на Кендру своим пронзительным взглядом. – Но все же он, кажется, не знал о ребенке.

– Или он хороший лжец.

– Ну да, или так. В этом городе в лжецах недостатка нет.

– По всей видимости, он очень переживает за доброе имя своей семьи. – сказала Кендра. – Если бы он узнал, что его мачеха беременна, я сомневаюсь, что он бы этому обрадовался. Учитывая, что ее муж умер пять лет назад, беременность леди Довер означала бы либо чертовое чудо, либо огромный скандал.

– Точно не чудо, это я точно знаю, – засмеялся Сэм.

– Именно. То есть огромный скандал. Какая-то поганка. Кстати, что конкретно он имел в виду, когда назвал ее поганкой?

– Простой жаргон, это слово используют по отношению к выскочкам. Как грибы, которые появляются за одну ночь, эти люди вдруг начинают вращаться в высших кругах, – пояснил Элдридж.

Кендра подумала, что ее тоже можно было бы назвать поганкой. Как всем было известно, она начала с позиции служанки в замке Элдридж, вскоре после чего леди Ребекка наняла ее в качестве своей компаньонки. Теперь же она была воспитанницей герцога.

Черт, да она была поганкой на стероидах.

В холле Хардинг следил за двумя лакеями, которые несли вверх по лестнице огромный прямоугольный объект, завернутый в мешковину и одеяла.

– Прибыла ваша грифельная доска, сэр, – сообщил им дворецкий. – Лорд Сатклифф уехал в свою резиденцию десять минут назад. А леди Этвуд в гостиной с какой-то горничной. Осторожно! – Он прикрикнул на одного из лакеев, когда он чуть было не споткнулся, а грифельная доска опасно покачнулась.

Кендра посмотрела на герцога.

– Горничная леди Довер. Она рано.

Леди Этвуд сидела напротив женщины, которой было на вид немного за двадцать, ее темные волосы были собраны в аккуратный пучок. Она была незнакомкой, но у Кендры было странное чувство узнавания. Дежавю. Через какое-то мгновение она поняла почему. На женщине было надето темное платье оттенка баклажана, похожее на то, которое носила Кендра, когда нарядилась в горничную во время модного бала-маскарада в замке Элдридж.

Месяц назад. Или через две сотни лет.

Она отмахнулась от обескураживающего чувства и поспешно вошла в комнату.

– Мисс Марат. Я Кендра Донован, – представилась она. – Мы не ожидали вас так...

– Ах, мисс... – начал Сэм.

– Вы ошиблись, мисс Донован, – холодно прервала их всех леди Этвуд. – Это Ева Купер. Агентство прислало нам ее, она будет вашей новой горничной. Мисс Купер, это мисс Донован, ей вы и будете прислуживать. А это мой брат герцог Элдриджский. – Она не задержала на Сэме взгляд и не представила его.

Женщина встала и сделала глубокий, очень изящный книксен.

– Ваша светлость. Я рада начать служить в вашем доме, – произнесла она нараспев и улыбнулась. Эта улыбка, как показалось Кендре, приняла несколько снисходительную форму, когда мисс Купер обернулась в ее направлении. Она могла представить себе, что леди Этвуд рассказала этой женщине.

– Мисс Донован, я приложу все усилия, чтобы помочь вам освоить правила этикета как следует.

Кендра крепко стиснула зубы от этого тона школьной учительницы и от того, как мисс Купер подняла свои брови, обменявшись понимающим взглядом с графиней.

– Спасибо, – ответила она, – но я вполне в состоянии освоить эти правила сама.

– Мисс Купер поступила к нам с превосходными отзывами, – вставила мягко леди Этвуд и приободряюще улыбнулась служанке. – Вам повезло, что кто-то вроде мисс Купер будет помогать вам, мисс Донован.

– Я уверен, мисс Купер прекрасно впишется в нашу компанию, – поспешно сказал герцог, без сомнения, заметив воинственный блеск в глазах Кендры и своей сестры. – Как всегда, дорогая, у тебя все под контролем.

– Спасибо, Берти. – Леди Этвуд посмотрела на Кендру. – Пока что мисс Купер пойдет устраиваться в своей спальне. Затем она поможет вам одеться для нашего утреннего визита к леди Сент-Джеймс.

– Очень хорошо. – Герцог кивнул до того, как Кендра смогла что-либо сказать. – А пока что в оставшееся время мы соберемся с мыслями в кабинете, ожидая мисс Марат. Пойдемте, моя дорогая. – Он потянулся за рукой Кендры, чтобы вывести ее поскорее из гостиной. – Мистер Келли, проследуйте за мной.

– Мне не нужны горничная и уроки этикета, – взорвалась Кендра, как только они вышли в коридор.

Герцог подумал, затем мягко объяснил:

– Ваши американские обычаи *отличаются* от английских, мисс Донован. Вам может пойти на пользу помощь горничной, которая ознакомит вас с этой разницей.

Она понимала, что он говорит не о странах. Но все же покачала головой.

– Вы знаете, что она будет докладывать обо всем, что я буду говорить или делать, леди Этвуд. Я буду как под микроскопом.

Снова, подумала она. От этого у нее побежали мурашки по коже.

Элдридж и Сэм оба стояли с осторожным бесстрастным выражением лица, которое иногда бывает у мужчин, когда они не хотят вмешиваться в конфликт между двумя женщинами. От этого Кендра еще больше раздражалась.

– И зачем мне вообще во что-то переодеваться? Что не так с тем, что на мне сейчас надето? – жаловалась она, пока они спускались по лестнице. – Боже, она ведет себя так, будто у нас встреча с королевой.

Сэм хмыкнул.

– Это лучше, чем встреча с королем, мисс. Бедный чокнутый парень.

Кендра сглотнула комок. Как всегда, ее живот сжался при мысли, что в это время главой Британской империи был король Георг III. Хотя технически, она полагала, правителем Великобритании сейчас был его сын Георг IV. Он стал принцем-регентом пару лет назад, когда его отец слег то ли от душевной болезни, то ли от болезни крови под названием порфирия. Специалисты в двадцать первом веке до сих пор не уверены на этот счет.

Из-за того что подобные размышления всегда вызывали у нее головную боль, она мысленно вернулась к расследованию, как только они вошли в кабинет. Он был копией убежища герцога в замке Элдридж, только меньше и светлее.

Книжные шкафы из светлого клена были заполнены в первую очередь книгами, а также кучей безделушек: китайскими фигурками, фарфоровыми или вырезанными из бамбука, классическими бело-голубыми шкатулками веджвуд и греческими вазами. Большой стол стоял в одном углу, камин – в другом. Три окна пропускали свет, который лился, минуя два ворсовых дамасских дивана с украшенными завитками подлокотниками и мощными ножками, вырезанными в виде когтей грифона. Три похожих по стилю кресла дополняли этот ансамбль.

Хардинг установил грифельную доску рядом со столиком из розового дерева и креслами. На полу была коробка. Внутри коробки была карта Лондона, куски писчей бумаги и контейнер поменьше с пастельными карандашами и кусочками грифеля. Конечно, не совсем те высокотехнологичные инструменты, к которым она привыкла, но они годились, на удивление.

Они развернули на столе большую карту с замысловатой системой улиц. Эдбридж поставил четыре тяжелых медных канделябра на каждый угол, чтобы она не сворачивалась.

– Вот, это резиденция леди Довер. – Сэм ткнул пальцем в точку.

Кендре пришлось прищуриться, чтобы разобрать витиеватую надпись.

– Хорошо. – Она выбрала красный карандаш и пометила это местоположение. – Где клуб лорда Довера?

– Полагаю, он в этом районе, – сказал герцог, обводя область пальцем.

У них ушло пару минут, чтобы найти его. После этого Кендра пометила его синим.

– А где начало Брук-стрит, 52? – спросила она, Эдбридж показал.

– Недалеко от таунхауса леди Довер, – заметила Кендра, проведя линию пальцем. – Но все же его окно возможностей довольно узкое. Не уверена, что он успел бы убить мачеху в промежуток между тем, как покинул клуб в десять и прибыл домой в одиннадцать – это если предположить, что он сказал нам правду относительно времени.

– Я пошлю своих людей, чтобы они нашли извозчика, но я бы не стал возлагать много надежд, – сказал Сэм. – Они каждый вечер забирают джентльменов около клубов и отвозят их по домам.

– Простите, ваша светлость. – Хардинг тихо проскользнул в кабинет. – Прибыла мисс Марат. Я отвел ее в гостиную в ожидании ваших указаний.

– Спасибо, Хардинг. Мы скоро придем, – сказал Эдбридж дворецкому, затем посмотрел на Кендру и Сэма. – Будем надеяться, что мисс Марат сможет дать нам какие-то ответы на вопросы о прошлом леди Довер.

* * *

Мисс Марат была бледной худощавой женщиной со светлыми, как у викингов, волосами, которые она частично убрала в высокий пучок и частично оставила в виде широких кудрей свисать, обрамляя ее простое узкое лицо. Голубые глаза выглядели из-за очень длинных, очень красивых ресниц, которыми она взмахивала слишком кокетливо для горничной. Месяц назад Кендре дали понять, что обязательным качеством хорошего слуги было умение сливаться с мебелью. Она с треском провалила эту миссию.

Кендра думала, что эти ресницы будут самой запоминающейся чертой мисс Марат, но это было до того, как та открыла рот и начала говорить с самым чудовищным фальшивым французским акцентом, который ей доводилось слышать. Это было как ногтями по меловой доске. Так ужасно, что Кендра не могла слушать, как эта женщина расправляется с очередным звуком в своей деланой речи.

Она прервала служанку посреди того, как та благодарила герцога за то, что он послал за ней карету, по-видимому, это вызывало ажиотаж на постоялом дворе, где она сейчас остановилась.

– *Merci de nous avoir reçus, Mlle Marat. Voulez-vous continuer en Français? Ou ferions-nous mieux d'arrêter de faire semblant que vous maîtrisiez cette langue et passer à l'Anglais à la place?*⁶

Мисс Марат застыла.

Губы Эдбриджа дрогнули, но он смог сдержаться.

– Полагаю, мисс Донован пытается сказать, что мы в курсе о востребованности французских горничных среди представителей света, но мы бы предпочли поговорить с вами в более непринужденном тоне. Вы же не француженка, мисс Марат?

⁶ Спасибо, что приняли нас, мадемуазель Марат. Вы желаете продолжить на французском? Или, может, лучше прекратите делать вид, что вы владеете этим языком, и перейдем вместо этого на английский? (*фр.*)

Мисс Марат посмотрела на него и, что бы она ни увидела в его глазах, это заставило ее немного расслабиться. Кендра мысленно присудила герцогу пару очков за дипломатичность. Он отлично справляется с ролью хорошего полицейского, успокаивая возбужденные нервы свидетелей и усыпляя подозрительность преступников, заставляя их ощущать обманчивую безопасность.

– Леди Довер очень тщательно выбирала подходящую горничную, – признала она. – Но я из Туикенема, сэр.

– Вы обманули леди Довер и заставили ее подумать, что вы из Франции? – спросила в изумлении Кендра. – Она что, глухая была?

– Ах, нет. Леди Довер знала, что я не лягушатница. Она говорила, что, на ее вкус, они слишком высокомерны. Она просто любила, когда я притворялась, потому что это в моде, как вы и сказали, ваша светлость.

Кендра подозревала, что это притворство распространялось и на фамилию мисс Марат, но не стала ее об этом спрашивать. Ее интересовало не ее прошлое.

– Как долго вы работали у леди Довер? – спросила она.

– С тех самых пор, как ее муж, его светлость, склеил лапы. Она сменила всех слуг, да. Ей было плевать на тех старых, что были у его светлости. Говорила, что они слишком задирали нос.

Кендра полагала, что по той же причине она отсеивала и «лягушатников».

– Вам известно, сколько лорд Довер и его жена состояли в браке?

Мисс Марат нахмурилась.

– Нет. Я никогда об этом не думала. А что?

– Леди Довер говорила о своем прошлом? Чем она занималась, где она жила до того, как встретила со своим мужем? О своей семье?

– Нет.

– Ее близкие никогда ее не навещали?

– Нет. Никогда. – Мисс Марат проговорила это медленно, таким образом, что Кендра буквально ощутила, как та осознает странность ситуации.

– Как она ладила со своим пасынком, лордом Довером?

– Ах, с этим! Леди Довер его вообще не любила. Он был занудой, говорила она. Но я думала... – Она резко прервалась.

– Что вы думали?

– Ничего. – Она бросила взгляд на Сэма.

– Что бы вы ни сказали, это не покинет пределов этой комнаты, – пообещал Элдридж. – И поможет нам найти того, кто сделал больно вашей хозяйке.

Служанка засомневалась, затем кратко кивнула.

– Это сущий пустяк. Просто... ну, леди Довер была симпатичной. Даже больше чем просто симпатичной. Она не привыкла к тому, чтобы какой-то джентльмен не поддавался ее чарам, вы понимаете, о чем я.

Кендра посмотрела на женщину с возросшим интересом. Может, она была более проницательной, чем казалась.

– Вы знаете, изменились ли их отношения недавно?

Мисс Марат нахмурилась.

– Что вы имеете в виду?

– Их неприязнь в какой-то мере усилилась? Леди Довер когда-нибудь угрожал ее пасынок?

– Не совсем. Но на прошлой неделе они очень сильно поссорились. Мы были на кухне и слышали, как они кричали из гостиной. Его светлость кричал громче леди Довер. Когда он ушел, она была очень сердита.

– Вы слышали, о чем они спорили? – спросила Кендра.
– Что-то о том, что она делает из себя посмешище, как в театре. Это привело его в бешенство.

– Она говорила с вами после той ссоры?

– Она говорила о *нем*, называла его придурком с лошадиным лицом, так и говорила, прошу прощения, ваша светлость, сэр, но таковы были ее слова, не мои. Она ничего не говорила о предмете их спора.

– Она имела в виду, что у лорда Довера вытянутое лицо, – объяснил Элдридж для Кендры.

– Точное описание, – признала Кендра с небольшой ухмылкой. Она повернулась опять к горничной. – Каково вам было работать на леди Довер?

Мисс Марат нахмурилась, обдумывая свой ответ.

– Думаю, неплохо. Лучше, чем на некоторых других господ. Возможно, лучше, чем на нового.

Она взмахнула своими длинными ресницами, и Кендра различила унылый блеск в ее глазах. Будущее было далеко не определенным для женщины из Туикенема, которая притворялась французской горничной.

– Леди Довер никогда не доверяла вам свои личные переживания?

– Она любила сплетничать о свете. У нее был острый язычок. – Едва заметная улыбка коснулась губ мисс Марат, возможно, она ценила это в своей хозяйке. – Но чаще всего мы говорили о моде. Леди Довер очень много внимания уделяла своему внешнему виду. После смерти лорда Довера ей нужно было носить соответствующую траурную одежду. Она ненавидела безвкусицу: сожгла все свои платья, когда закончился траур, подожгла их прямо в камине спальни. Я сама видела.

– Что ж, это, без сомнения, о многом говорит, – сказала Кендра. Она решила подойти к самому главному в этой беседе. – Нам говорили, что у леди Довер было много поклонников. Вы знаете их имена?

– Конечно же, лорд Сатклифф, – выпалила мисс Марат. – Он такой щеголь. Леди ездила месяц назад на прием, надеясь, что ей удастся наконец склонить его к браку. Но не сработало, она вернулась в отвратительном настроении. Сказала, что какая-то бледнолицая девица свела его с ума. Ее светлости это точно было не по душе! Она не привыкла к тому, чтобы ей предпочитали другую леди.

Кендра вдруг осознала, что если бы мисс Марат сопровождала леди Довер на вечеринку леди Этвуд, то они бы там с ней встретились за первым же завтраком для слуг из старшей прислуги. За ланчем – нет, так как Кендру к тому моменту уже сместили с этой должности.

– Почему вы не поехали с леди Довер на вечеринку? – спросила она.

Взгляд мисс Марат стал отрешенным.

– Она сказала, что графиня, которая устраивала эту вечеринку, предоставит своих девушек. Ей не нужны были мои услуги там.

Кендра подумала, что леди Довер, возможно, не хотела причинять кому-либо страдания от безобразного фальшивого французского мисс Марат. Или, что скорее, она боялась, что ее горничную разоблачат. Кажется, леди Довер умела хранить секреты.

– Миссис Пирсон думает, что лорд Сатклифф убил леди Довер, – продолжила мисс Марат, явно не зная о родстве герцога и маркиза. – Но я не верю в это. Он джентльмен. То есть не какой-то там заносчивый дворянин. Когда он приходил, он всегда вел себя скромно. Он никогда не оставался на всю ночь, даже если бы его связали по рукам и ногам, не остался бы. Он уважал репутацию хозяйки, пусть она сама и не беспокоилась.

– Были ли другие мужчины так же уважительны? – осторожно спросила Кендра. – Мы слышали, что лорд Сатклифф не был единственным мужчиной в ее жизни.

– Ну да, у нее были и другие, однако никто из них не был как лорд Сатклифф. Но...

– Но... что? – не сдавалась Кендра, когда горничная вдруг замолчала.

Мисс Марат прикусила губу.

– Ну... Я думаю, что у нее, возможно, был еще один дом. Ну, знаете, для уединения. Для большего уединения, чем на Гросвенор-сквер.

Кендра от удивления подняла одну бровь.

– С чего вы взяли?

– У нее был ключ в шкатулке с драгоценностями. Ключ от дома, точно. От ее дома. И бывало, я помогала ей одеться, очень красиво одеться, но знала, что она не собирается ни на какой бал. Сначала она нанимала извозчика.

Сэм наклонился вперед, его глаза, отдающие золотым блеском, с интересом смотрели на нее.

– Вы думаете, что она встречалась с каким-то джентльменом в том доме?

Ее кудряшки подпрыгнули, когда мисс Марат принялась кивать.

– Да. Мистер Джордж должен знать наверняка.

– Мистер Джордж – кучер и старший лакей леди Довер, – объяснил Сэм. Он нахмурился, глядя на служанку. – Я говорил с ним. Он не упоминал другую резиденцию.

– Само собой, он бы не стал. – Мисс Марат многозначительно посмотрела на него. – Он бы не стал доносить на ее светлость. Это неуважительно.

– Неуважительно врать представителю закона, – прошипел сыщик.

Мисс Марат вызывающе выдвинула вперед свою челюсть.

– Но он же и не врал? Вы же его об этом не спрашивали. Они, возможно, все подумают, что я болтушка, если узнают обо всем, что я вам рассказала.

– Мы благодарны вам за все, что вы нам сообщили, мисс Марат, – сказал Элдридж. – Я прослежу, чтобы вы получили за это достойную компенсацию.

Служанка явно обрадовалась.

Кендра посмотрела на нее.

– Вы сказали, что сначала она нанимала экипаж. А потом ее поведение изменилось?

– Да. Она начала пользоваться своей собственной каретой месяц назад, после того как вернулась с того приема.

Кендра задумалась о том, что означали подобные перемены. Но об этом она подумает позже. А сейчас она задала следующий вопрос:

– Вы знаете, с кем леди Довер могла встречаться в этом другом доме?

– Нет, мадам.

– Может, у вас есть догадки? Может, она говорила о других мужчинах или о каком-то конкретном мужчине?

– Нет, ни малейшей догадки. Честно.

– А как насчет того вечера, когда она вас отослала? Что произошло тогда?

– О чем вы? Я ушла так же, как и остальные.

– Перед тем как вы ушли. В каком она была настроении? Были ли она расстроена? Счастлива?

Мисс Марат подумала где-то около минуты.

– Может, взволнована, – сказала она наконец. – Она точно знала, что хотела надеть. Я помогла ей. Затем нас отослали.

– Как вы думаете, почему она это сделала?

– Я полагаю, она хотела уединения, потому что она собиралась с кем-то встретиться.

– И вы не знаете, кто это мог быть?

– Я думала, что это лорд Сатклифф, как и все остальные, но... Я не могу представить, чтобы он сотворил с ней такое. Миссис Пирсон сказала, что ее лицо было все в ужасных ранах. Это правда?

– Мы не можем раскрывать детали преступления, – сказала Кендра.

Мисс Марат странно посмотрела на нее. Эта стандартная формулировка, возможно, звучала как-то дико во времена, когда гражданские могли спокойно разгуливать по местам преступлений.

Кендра сменила свою тактику.

– Вы знали, что леди Довер была беременна?

Красивые ресницы мисс Марат опустились, закрывая ее глаза на какую-то долю секунды.

– Я подозревала. Она не рассказывала мне о ребенке, но я же была горничной, как я могла не знать об этом, если вы понимаете, о чем я.

Кендра вспомнила об обязанностях горничной и поняла. По этой причине она не хотела, чтобы мисс Купер проникала в ее жизнь. Ей было гораздо комфортнее с Молли.

– Я понимаю, о чем вы. Как вы думаете, как леди Довер относилась к своей беременности?

– Не знаю. Она, казалось, совсем не беспокоилась, что было странно, так как она не была замужем, а ее муж давно умер. Люди стали бы болтать, это я вам точно могу сказать. Может, поэтому лорд Довер пришел в такую ярость.

– Вы думаете, он знал о ребенке?

Мисс Марат пожала плечами.

– Секреты такого рода рано или поздно перестают быть секретами, не так ли?

– Да, это так. – Кендра встала. – Спасибо, мисс Марат. Вы нам очень помогли.

– Правда?

– Совершенно точно. Но если вы еще что-то вспомните, пожалуйста, дайте нам знать.

Элдридж вытащил из кармана серебряный футляр. Он открыл его и передал ей визитную карточку.

– Вот, так вы не забудете.

Мисс Марат долго смотрела на карточку, потом подняла взгляд на этого аристократа. Она вдруг ухмыльнулась.

– Как я могу такое забыть, ваша светлость. Даже работая на леди Довер, девушка из Туикенема вроде меня не так часто беседует с герцогами.

10

Спустя какое-то время, стоя перед грифельной доской, Кендра размышляла вслух:

– Зачем леди Довер понадобилась еще одна резиденция в Лондоне?

Элдридж смотрел на нее. Сэм Келли уехал искать бывшего кучера леди Довер, а они в это время вдвоем удалились в кабинет.

– Мы ведь уже об этом спрашивали, моя дорогая, – сказал герцог. – Леди Довер нужно было более уединенное место. Само собой, это было место встреч с ее любовником.

– Но она же вдова. Я думала, что в эту эпоху правила для замужних женщин и вдов были не такими строгими.

– Они не такие строгие, но все же они есть, – ответил он, задумчиво поднимая свою трубку. – Ее бы изгнали из приличного общества, если бы начали ходить слухи, что посетители мужского пола остаются в ее доме на ночь.

– А джентльмены? Их бы тоже изгнали?

Он, очевидно, услышал нотку критики в ее голосе, так как он начал говорить извиняющимся тоном:

– Мисс Донован...

– Ничего. – Она оборвала его жестом. – И для кого была эта отдельная резиденция? Она же развлекала Алека в своем доме. И даже если он никогда не оставался на ночь, я сомневаюсь, что они там в шахматы играли.

– Да, но... – Губы Элдриджа дернулись от ее двусмысленного намека. – Есть и другой вариант. Джентльмены из света часто устраивают отдельные резиденции для своих любовниц в городе.

Кендра подбросила в руках кусок грифеля, думая об этой версии.

– То есть вы думаете, что это любовник леди Довер устроил эту резиденцию, а не она сама?

– Возможно.

– Тогда почему она не встретила с ним там? Зачем было усложнять все, отсылать слуг? Это кажется очень неудобным.

– Только для слуг. И я сильно сомневаюсь, что леди Довер относилась к тем женщинам, которые много думают об удобстве своей прислуги. Но все же я думаю, что это правильная мысль, мисс Донован. Зачем устраивать с ним свидание дома у себя, если для этого существовало более укромное место?

– Может, встреча у себя дома внушала ей чувство некоего контроля над ситуацией? Может, на своей территории она, как ей казалось, яснее давала понять свою позицию?

– Довольно драматично.

Кендра улыбнулась.

– Да ладно. Эта женщина сжигала свои платья после окончания траура по своему мужу. Думаю, леди Довер как раз и была драматичной. – Она сделала паузу и посмотрела на него. – Вы же поняли, что лорд Довер нам солгал?

– Я заметил, что он не упомянул о том, что навещал свою мачеху неделю назад.

– Не просто навещал, у них была ссора, такая громкая, что привлекла даже внимание прислуги. Он ее ненавидел. Она причиняла ему дискомфорт с тех пор, как его отец женился на ней. И если бы он знал о беременности...

– Он был бы не рад.

– Да, он бы просто по-королевски сел в лужу.

Этот неподходящий и странный комментарий вызвал у него смех.

– Я предполагаю, что вы не имеете в виду уринацию какого-то члена королевской семьи.

– Нет. – Она слегка улыбнулась, но ее улыбка быстро исчезла с лица. – Лорд Довер имел мотив – репутация его семьи. Что-то вроде того, что испытывает ваша сестра, которая думает, что я испорчу ваше семейное древо.

Он уклонился от комментария.

– Так или иначе, их неприязнь была обоюдной. Я не поверю, что леди Довер отпустила бы свою прислугу ради встречи с ним.

– Нет, – согласилась Кендра и нахмурилась. – Я тоже не могу себе этого представить. Но мы пытаемся объединить два разных сюжета. Человека, с которым она встречалась, и убийцу. А они могут и не быть одним и тем же; она, может, и не приглашала убийцу. Лорду Доверу знаком этот дом. У него, возможно, и ключ есть, поэтому замки и не были взломаны.

В дверь тихо постучали, и в комнату вошел Хардинг.

– Ваша светлость, мадам. Леди Этвуд поручила мне сообщить вам, что легкий обед будет подан в ближайшее время для членов семьи. Лорд Сатклифф тоже ожидается.

– Спасибо, Хардинг. – Эдридж кивнул дворецкому, который наклонился и удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.